

ОЛГА ПЕТРОВА



БЕЛЫЙ ЯР:
СЕРЕБРО И ХЛЕБ

Ольга Петрова

Белый Яр: серебро и хлеб

<https://litres.ru/74676949>

SelfPub; 2026

Аннотация

С Белым Яром я разобралась. Ну, почти.

Теперь вместо разваливающегося имения передо мной столица — блестящая снаружи и до боли знакомая внутри. Здесь решения принимаются не потому, что они разумны, должности получают не потому, что умеют работать, а нужные двери открываются совсем не теми ключами, к которым я привыкла.

А ведь я совершенно не собиралась устраивать очередную производственную революцию.

Но когда сталкиваешься с глупостью и системой, в которой каждый давно привык делать вид, что всё работает как надо, профессиональная привычка задавать неудобные вопросы становится опасным качеством.

Особенно если ответы кое-кому очень не понравятся.

Что ж. Аудит я проводить умею.

Посмотрим, выдержит ли его столица.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	65
Глава 7	76
Глава 8	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Ольга Петрова

Белый Яр: серебро и хлеб

Глава 1

Три дня королевский указ пролежал на краю письменного стола.

Элиза не убирала его в ящик нарочно. Каждое утро, входя в кабинет, она видела плотный веленевый лист с тяжёлой смоляной печатью Тайного совета, рядом — тонкую полоску бумаги с сухим предупреждением канцелярии. Каждый вечер перечитывала обе бумаги заново, будто между строк мог внезапно обнаружиться ответ, которого она не заметила раньше.

Не обнаруживался.

«Его Величество повелевает баронессе Элизе Вейр прибыть в столицу...»

Она пока не могла понять, что именно, но что-то совершенно не сходилось.

Короли не вызывают к трону провинциальных вдов только потому, что те изобрели сухой паёк и разорили одного проворовавшегося гильдейского старшину. В масштабах королевства разгром Густава Крелла был мелкой стычкой на глухой окраине. У короны имелись свои поставщики, свои

старые пекарни, свои гильдейские старейшины, веками кормящиеся с казны. Чтобы монарх лично вызвал никому не известную баронессу возглавить ревизию армейских складов, её имя должен был положить на нужный стол человек значительного положения.

А тайное предупреждение? С какой стати столичным шпионам вообще оберегать провинциальную чужачку?

За её спиной не стояло влиятельной родни. Покровителя тоже не было... Или был?

Она отложила ведомость по камню для нового корпуса, мельком поймала своё отражение в тёмном стекле напротив — узкое, сосредоточенное лицо, тугая коса, серые глаза, в которых последние дни почти ничего не отражалось, хотя внутри всё кипело, — и посмотрела в окно. По двору тащили связку тёсаных балок, из нового корпуса тянулся ровный дым. Стройка, которую она только успела начать, уже требовала десятка решений в день.

И именно сейчас ей предлагали всё бросить.

Не предлагали.

Приказывали.

— Рейнар, — произнесла она.

Со двора донёсся стук копыт.

Ну конечно.

Через четверть часа лорд Рейнар Вальд вошёл в кабинет, ещё не подозревая, что его уже раскрыли. Плащ он скинул на руки подхватившей его у порога горничной; под ним оказал-

ся тёмно-серый офицерский камзол, безупречно сидящий на широкоплечей поджарой фигуре, — в каждом движении сквозила уверенность военного, привыкшего командовать и побеждать.

— Элиза, — произнёс он с неподдельной теплотой, подошёл и коснулся губами её пальцев. — Мара сказала, ты заперлась здесь с рассвета. Всё ещё разбираешь столичную почту?

Она не отстранилась — но и тепла в ответ не проявила. Взяла со стола пакет с королевской печатью и подвинула к нему, вплотную к его перчаткам.

— Кто положил моё имя на стол Военного совета?

Он даже не взглянул на бумаги.

— Я, — ответил он со вздохом человека, которому помешали сделать приятный сюрприз.

Она молчала несколько секунд. Хотя именно это и подозревала, прямое признание ударило сильнее.

— Без моего ведома.

— Мой гарнизонный срок на Севере закончился, — сказал он, будто это всё объясняло. — На южных рубежах беспокойно, столица стягивает офицеров, меня переводят в Главный штаб. Я подал доклад герцогу Бауэру, приложил твои таблицы по срокам хранения и потерям зерна. Доказал, что заквасочные смеси дают полкам свежий хлеб без гроздных печей в поле. Бауэр доложил королю. Я добился, чтобы тебя вызвали не как мою будущую жену, а как техни-

ческого эксперта короны.

— Значит, ты уже решил, что я еду.

— Мы помолвлены.

— Это не ответ.

Он развёл руками — по его меркам он не просто поступил правильно, он потратил месяцы и доброе имя рода, чтобы вписать её в документ государственной важности, и искренне не понимал, как это могло обернуться обидой.

— Я не запер тебя в четырёх стенах. Я добился того, чтобы ты нашла применение своим талантам! Я открыл тебе путь! Тыходишь туда как специалист, а не как моя тень!

— Ты открыл мне путь. А спросить меня, нужен ли он сейчас, — не подумал.

Рейнар не ответил сразу.

Ей вспомнилась не вся прошлая жизнь, а одна холодная кухонная столешница, на которую она когда-то оперлась ладонью, слушая, как Олег в сотый раз объясняет, что ей незачем ездить на её конференции, что дом важнее. Олег тоже не кричал и не запирали её дома. Он просто заранее решал, что для неё лучше, а потом ставил перед готовым фактом — соглашайся или устраивай скандал на пустом месте.

Рейнар делал прямо противоположное. Не принижал — возносил. Толкал наверх, к масштабу, к признанию.

И всё же ошибка была та же самая.

Решение принимал мужчина. За неё.

— Знаешь, что самое неприятное? — сказала она после

паузы. — Ты хотел сделать мне подарок.

— Это и есть подарок.

— Именно поэтому это не подарок, Рейнар. Подарок можно принять или отвергнуть. А ты просто поставил меня перед готовым указом.

Рейнар сжал губы. Ответ дался ему не сразу.

— Указ монарха скреплён печатью, — жёстко произнёс он, впервые дав отпор. — Не явишься в срок — Белый Яр сочтут очагом неповиновения. Патент отзовут, поместье пойдёт с молотка за срыв казённых поставок. Я дам тебе время остыть. Выезд через четыре дня.

Дверь закрылась за ним с сухим стуком.

Гнев улетучился быстрее, чем она ожидала, оставив после себя ясность. Старая привычка — не позволять обидам управлять решениями — сработала быстрее гнева. Нужно было отделить эмоции от фактов.

Элиза достала чистый лист и разделила его вертикальной чертой.

Слева написала: «Если не ехать».

Под заголовком быстро появились строки: неповиновение королевскому приказу, пересмотр Золотой грамоты, потеря армейских контрактов, гильдейское давление, возможная блокировка торговли в других провинциях. Белый Яр только-только поднялся. Один росчерк — и патент «временно приостановят до выяснения обстоятельств». Крелл проиграл, но на его место с удовольствием придут другие.

Справа: «Если ехать».

Доступ к государственным складам. Контракт. Полномочия. Столица.

Рейнар.

Перо остановилось.

Она любила его. Вот что было хуже всего: если бы не любила, злиться было бы проще. Но гнев не отменял того, что при мысли о его отъезде без неё внутри неприятно пусто.

— Значит, поеду, — сказала она вслух. Не потому, что Рейнар решил. Не потому, что приказал король. Потому что оставаться теперь было опаснее. А раз так — уезжать следовало правильно.

Она потянулась к колокольчику.

— Мара!

К полуночи в кабинете горели четыре свечи. Финн сидел с раскрытой амбарной книгой, Лотта держала на коленях стопку технологических записей, Мара принесла кассовые журналы и, узнав о скором отъезде хозяйки, только поджала губы.

Элиза не позволила себе паники.

— Меня не будет несколько недель, возможно, дольше. Белый Яр должен работать так, чтобы покупатели вообще не заметили моего отсутствия.

— Первое, Финн. Зерно. Осень дождливая, повезут прелую рожь. С каждой крупной партии берёшь пробу: сотня зёрен на весы, потом на сухую сковороду, прокаливаешь на

углях, пока не перестанет идти пар, — и взвешиваешь снова. Если зерно теряет слишком много веса, воды в нём больше нормы. Партию не принимать без скидки или досушки.

Финн быстро записал.

— Второе. Дрова для сушилен. Никакой ели, никакой сосны — только ясень и берёза. Смола даёт запах, и одна такая партия — и вся столица будет неделю рассказывать, что наши сухари пахнут сапожной мастерской.

Она повернулась к Лотте.

— Тяга в печах — каждое утро, по пламени у нижней за-
слонки: должно тянуть ровно, без метаний. Если пляшет —
чистить сажу в дымоходах. Готовый сухарь проверяй на из-
лом.

Элиза взяла со стола пробный брусок и переломила его. Раздался чёткий сухой треск.

— Вот так. Если гнётся — недосушили, если крошится в пыль — пережгли. Сердцевина должна быть сухой, мелко-
пористой, цвет — чистый, золотистый.

— А если стряпухи зазеваются, госпожа? — спросила Лотта. — Штрафовать?

— Нет. Если пошёл брак, сначала ищите причину в про-
цессе: тяга, сырьё, температура, загрузка. Рабочий, которого
штрафуют за любую проблему, начинает её прятать. Мне это
не нужно.

Мара уже подтянула к себе книги.

— Двойная запись, — сказала Элиза. — Каждая сумма

проходит дважды: откуда пришла и куда ушла. Выручка — как приход в кассу и как продажа товара, закупка зерна — как расход денег и как приход запасов. Если цифры не сходятся — ищите сперва ошибку, потом вора.

— И последнее. Каждые десять дней мне уходит отчёт почтовой эстафетой — объём зерна, выпуск, брак, продажи, касса, долги поставщиков и состояние стройки. Куда бы я ни добралась.

Финн присвистнул, но серьёзно кивнул.

— Не подведём, госпожа.

— Знаю.

Через четыре дня туманное осеннее утро накрыло Белый Яр белесой влажной пеленой. Воздух пах сырой листвой и дальним торфяным дымом.

У парадного крыльца ждал кортеж Рейнара во всём блеске столичного величия: шестёрка породистых вороных, тяжёлая закрытая карета с позолоченными фонарями и гербом Вальдов на дверцах, шестеро гвардейцев в кирасах. Сам он стоял у подножки в парадном мундире с золотым шитьём — собранный, уверенный, будто вспышка гнева давно улеглась и путь теперь открыт.

Из-за угла флигеля, поскрипывая кованными ступицами, выехала лёгкая северная бричка. Старый кучер Курт проверял чеку в оглобле.

— Что это за выдумка, Элиза? — Рейнар нахмурился, глядя на простую повозку. — Твой багаж положено уложить в

карету.

— Мой багаж поедет со мной.

— Ты собираешься трястись сотни вёрст в этой колымаге, когда мой экипаж надёжен и гораздо комфортабельнее?

Она подошла ближе, так, чтобы слова не долетали до конвоя:

— Если я выйду из твоей фамильной кареты у ворот Военного совета — кем я стану для генералов и старых гильдейских чинов? Приживалкой. Фавориткой штабного офицера, которой выхлопотали синекуру ради забавы. Мои таблицы никто и читать не станет — сплетни похоронят дело раньше, чем я войду в первый амбар.

— Я не позволю распускать сплетни. Моё имя...

— Твоё имя не спасёт от скрытого саботажа на складах. Я еду не твоей содержанкой и даже не супругой — я еду как независимый доверенный эксперт короны, на своих лошадях, за счёт казны Белого Яра и по своим правилам. Ты поведёшь конвой во главе отряда, как штабной чин. А я приеду отдельно — как полноправное должностное лицо.

Рейнар открыл было рот, но возражать не стал.

— Охрану возьмёшь? — спросил он наконец.

— Нет. Мне она ни к чему.

Он ничего не сказал, только приподнял бровь. Элиза вздохнула.

— Двух всадников.

— Четырёх.

— Трёх.

— Согласен. — Уголок его рта дёрнулся, но улыбка так и не появилась. — Ты невыносимая женщина, Элиза Вейр.

— А служба требует строгости, а не уступок, лорд Вальд. Она поднялась на подножку брички, запахнула плащ. Курт тронул поводья, и лёгкий экипаж первым покинул двор, оставляя тяжёлую карету и её хозяина позади.

Рейнар остался стоять у распахнутой дверцы.

Королевский приказ она выполнит в точности.

Глава 2

Северный тракт за перевалами встретил сухостоем и жёсткой каменистой колеёй.

Лёгкая бричка шла ходко. Две гнемые северные лошади, привычные к затяжным подъёмам и осыпям, выбивали дробь подкованными копытами. Курт сидел на облучке прямо, держа натянутые вожжи, а по бокам дороги, чуть поотстав от пыльного шлейфа, рысили трое верховых стрелков из гарнизона Белого Яра.

Тяжёлая карета Рейнара с шестёркой вороных и конвоем в кирасах осталась позади ещё на выезде из слободы: неповоротливый барский экипаж вяз на крутых поворотах и берег рессоры на ухабах.

Через три часа пути, когда солнце поднялось к зениту и пригрело пожелтевшие перелески, позади послышался частый, гулкий топот.

Один всадник.

Шёл галопом.

Курт шевельнул плечом, но оборачиваться не стал — по звону подков безошибочно узнал тяжёлого чистокровного жеребца лорда.

Элиза отодвинула кожаную шторку повозки. Рейнар нагнал бричку, осадил коня и поравнялся с открытым передком. На нём не было парадной кирасы — только тёмно-се-

рый походный мундир, запылённые ботфорты и офицерский палаш у бедра. Конь под ним шумно выдыхал пар, роняя белую пену на мундштук.

— Курт, придержи, — бросил лорд негромко, но властно.

Старый кучер вопросительно скосил глаз на хозяйку. Элиза коротко качнула головой:

— Стой, Курт. Дай лошадям перевести дух.

Повозка плавно съехала на каменистую обочину и остановилась у раскидистой рябины, усыпанной алыми гроздьями. Рейнар спрыгнул на землю, перекинул повод через луку седла и подошёл к низкой дверце брички.

В его осанке не осталось утренней напыщенности. Он стянул замшевую перчатку и опёрся о деревянный борт, с лёгкой неловкостью потирая переносицу.

— Моя карета отстала на две версты. Я оставил конвой капитану и поехал вперёд. Нам нужно поговорить без свидетелей, Элиза.

Она не стала выходить, лишь чуть подалась вперёд, взявшись за кованый поручень.

— Я слушаю, Рейнар.

Офицер помолчал, подбирая слова.

— Утром у крыльца я был излишне резок. Ты сочла мой приказ высокомерием, а я... я просто привык распоряжаться полками, где сомнения караются гауптвахтой. Я не подумал, как это выглядит со стороны. Твой довод о репутации у Военного совета разумен. Если столичные крюкотворы решат,

что ты просто моя фаворитка, они похоронят любые начинания. Ты поступила дальновидно.

Элиза сдержала лёгкую усмешку. Он извинился. Лорд Вальд, старший офицер Главного штаба, наступил на словесную спесь и догнал её на тракте только ради того, чтобы загладить утреннюю ссору. Это стоило дорого.

Но сути её автономии Рейнар так и не осознал. Для него всё ещё речь шла о светских приличиях и расчётливом ходе перед генералами, а вовсе не о жизненной необходимости самостоятельного промышленника.

— Спасибо за эти слова. Я ценю твоё признание. Но в твою карету я всё равно не пересяду.

— Я и не настаиваю. — На губах офицера промелькнула сдержанная улыбка. — Хотя первая седмица на этих перекладках покажется вечностью. Дальше по тракту дорога лучше, но путь до столицы неблизкий — почти месяц тряски.

— В Белом Яре я привыкла к дорогам похуже столичных трактов. Возвращайся к конвою, Рейнар. Пылить впереди штабного кортежа я не собираюсь, но и задерживать отряд не стану.

Офицер кивнул, тронул пальцами козырёк походной фуражки и легко взлетел в седло.

Ссора осталась позади. Не до конца — Элиза это понимала, — но её уже можно было отложить хотя бы до столицы. Дорога до столицы растянулась почти на месяц. Осеннее тепло понемногу уступало место пронизываю-

щим ветрам и затяжным морозящим дождям. Рейнар держал слово: большую часть светлого времени суток он ехал верхом рядом с её повозкой. Они говорили много и подробно — о структуре Военного совета, о фракциях при дворе, о южной границе и раскладе сил в купеческих гильдиях. Элиза жадно впитывала факты, на лету фиксируя в памяти имена чиновников, узлы влияния и скрытые зоны контроля.

Но куда больше информации давал сам тракт.

Чем дальше на юг уходил кортеж, тем шире становилась дорога и тем плотнее смыкался людской поток. Почтовые тройки со звонкими бубенцами сменялись тяжёлыми купеческими караванами, обозами с шерстью, зерном, кованым железом и бочками смолы.

И с каждым днём увиденное удручало Элизу всё сильнее. Логистика королевства Вальтерия представляла собой неповоротливую, скрипящую махину, пожиравшую ресурсы без счёта.

На каменных заставах — мытнях — выстраивались заторы на полверсты. Длиннобородые таможенные писцы в замызганных кафтанах неторопливо скрипели гусиными перьями, требуя по три медных монеты за каждую подводу и заставляя гружёные телеги простаивать на осеннем холоде по двое суток.

Элиза наблюдала за этим из окна повозки, пока конвой Рейнара пробивал дорогу через кордоны с помощью офицерской подорожной.

У переправы застрял армейский обоз с казённой мукой. Шесть десятков подвод. Мешки из редкой холстины были наспех прикрыты дырявой, подгнившей рогожей. Шёл мелкий дождь. Вода сочилась сквозь щели, мука по краям мешков бралась коркой, закисала и превращалась в серый склизкий клейстер.

— Курт, придержи коней у крайнего воза, — велела Элиза.

Она вышла из брички, подошла к повозке интендантства и, пока сонный возчик чесал затылок, провела пальцем по углу нижнего тюка.

Запах кислого теста и сырой плесени ударил в нос.

— Сколько дней в пути? — спросила она у сидевшего на козлах ополченца.

Тот оглядел её простое серое платье с недоумением, но, заметив позади офицерский мундир Рейнара, нехотя буркнул:

— Две седмицы, сударыня. С центральных житниц тащим. Колёса летят, мосты узкие, на мытне три дня промокли.

— Внизу зерно уже греется. — Элиза вытерла пальцы платком. — К столице привезёте треть мешков с червями и ядовитой прелью.

— Так казённое же. — Возчик равнодушно сплюнул под колесо. — На складе спишут на дорожную усушку. Всегда списывали.

Элиза вернулась в бричку, достала грифельный карандаш и сделала пометку в дорожной тетради.

Списания. Усушка. Гниение.

Она быстро прикинула в уме: перегруженные телеги, дурная развесовка, сбитые в кровь спины битюгов из-за скверно подогнанных хомутов, отсутствие продухов между ярусами мешков. Корона теряла до четверти продовольствия ещё до того, как обозы пересекали границы центральной провинции. Казна тратила тысячи золотых крон на закупку, чтобы потом сгноить хлеб под осенним дождём на узких бревенчатых мостах.

Если они так везут хлеб для собственной армии, думала Элиза, закрывая тетрадь, то наведение порядка на складах превратится в войну со всей этой неповоротливой системой.

Столица навалилась на них внезапно, выломившись из серого предрассветного тумана зубчатой стеной чёрного гранита.

Вальтерград.

Город поражал масштабом и давил вековым камнем. После просторных, пахнущих сосной долин Белого Яра и аккуратного Нордфолка столица казалась циклопическим муравейником.

Высоченные четырёхэтажные дома под крутыми черепичными крышами теснились вдоль узких улиц, закрывая небо. Воздух стоял плотный, удушливый: вонь нечистот из открытых сточных канав мешалась с едким угольным дымом куз-

нечных слобод, запахом мокрой конской шерсти, жареной рыбы и сотен тысяч немытых тел.

Грохот стоял оглушительный. Громыхали кованые ободья сотен карет, истошно кричали разносчики пирогов, ругались возчики у поворотов, звенели колокола бесчисленных храмов.

Бричка Элизы втянулась в этот водоворот следом за каретой лорда.

За окном проплывали громады правительственных коллегий, королевские арсеналы и бесконечные ряды купеческих лабазов. Только теперь Элиза по-настоящему ощутила, насколько ничтожны её северные успехи в масштабе этого чудовищного жернова.

В Белом Яре она была полновластной хозяйкой. В Норд-фолке заставила считаться с собой магистрат. Но здесь, у подножия королевского замка, её мануфактура с двумя десятками печей оставалась всего лишь каплей в море. Для столичных сановников в шёлковых мантиях вдовушка с Севера казалась пустопорожней выскочкой, которую можно вычеркнуть росчерком пера и забыть.

Ничего, подумала она, поправляя воротник платья. Большие мельницы тоже крутятся от маленьких шестерёнок. Главное — знать, куда приложить усилие.

Кортеж миновал торговые ряды и начал подъём на западный холм — в аристократический квартал, отгороженный от остального города гранитной стеной с чугунными пиками.

Здесь уличный гам мгновенно стих. Улицы, вымощенные ровными базальтовыми плитами, лежали широкими и пустынными. За вековыми липами и коваными решётками темнели родовые особняки столичной знати.

Карета Рейнара повернула к высоким чугунным воротам, увенчанным гербовыми бронзовыми ястребами — знаком рода Вальдов. Швейцар в тёмно-зелёной ливрее с золотым галуном распахнул створки без единого звука, вытянувшись в струну.

Особняк встретил их холодным серым величием. Двухэтажное здание из тёсаного камня с узкими стрельчатыми окнами походило на небольшую крепость. На парадном дворе царил безупречный, почти казарменный порядок. Ни соринки, ни шороха, кроме хруста гравия под колёсами.

Экипажи остановились у широкого крыльца из белого мрамора.

Рейнар спешил первым, на ходу отдавая распоряжения подбежавшему конюшему, и подошёл к повозке Элизы. Он подал руку, помогая ей спуститься на плиты:

— Добро пожаловать в мой дом, Элиза. Ты устала с дороги. Слуги уже приготовили гостевые покои на втором этаже.

— Благодарю, Рейнар.

Она ступила на мрамор. Ноги после долгого пути слегка гудели от вынужденной неподвижности.

В холле особняка пахло воском, старым деревом и остывшим камнем. Вдоль стен на дубовых панелях темнели порт-

реты предков в латах и бархатных колетах — суровые мужчины с ястребиными носами и надменные дамы в высоких чепцах. Начищенные медные канделябры, плотные шпалеры, скрадывающие шаги, и строгий, выверенный порядок.

Но тепла в этом доме не чувствовалось. Здесь не пахло свежим хлебом, смолистой стружкой или сушёными яблоками, как в Белом Яре. Здесь пахло вековой пылью, сословной спесью и промозглым сквозняком.

К ним подошёл сухопарый старик в безупречном чёрном фраке — дворецкий Освальд. За его плечом стояла пожилая экономка в строгом чепце с ключами на поясе и две молодые горничные.

— С благополучным возвращением, милорд, — дворецкий склонил седую голову с точно отмеренной глубиной почтения. — Маркиза-мать изволит пребывать в загородном имении до конца седмицы. Распоряжения относительно госпожи баронессы выполнены в точности.

— Хорошо, Освальд. — Рейнар скинул перчатки на поднос лакея. — Распорядись подать обед через два часа. Баронессе нужен отдых. Поднимите её вещи.

Гостевые покои оказались просторной комнатой с высоким лепным потолком, тёмной дубовой кроватью под бархатным балдахином и широким камином, где едва тлели угли.

Двое крепких лакеев внесли наверх дорожные сундуки Элизы, опустили их у стены и вышли без единого слова. Гор-

ничная — круглолицая девица с цепкими глазами, назвавшаяся Кларой, — принялась разбирать вещи.

Элиза села в глубокое кресло у камина, не снимая плаща, и молча наблюдала за ней.

Слуги дома Вальдов держались безупречно. Ни ужимок, ни дерзких усмешек, ни лишних звуков. Но Элиза слишком хорошо знала людей, чтобы обманываться этой выучкой.

Клара откинула крышку первого сундука — и на её лице на миг проступило неподдельное разочарование. Вместо шуршащего шёлка, бархатных кринолинов, кружевных воротников и коробочек с притираниями сундук был доверху забит плотными папками из серого картона, тетрадями в кожаных переплётках, опечатанными сургучом образцами пресованного сухаря в холщовых мешочках и связками чертежей.

Во втором сундуке нашлись дорожные вещи: два шерстяных платья тёмно-серого и графитового оттенка, три льняные сорочки без единой оборки, запасные чулки плотной вязки и прочные кожаные сапоги на толстой подмётке.

Ни бальных туфель. Ни вееров. Ни единого золотого гребня.

Горничная доставала вещи с подчёркнутой аккуратностью, двумя пальцами расправляя сукно простого кроя. Потом окинула Элизу с головы до ног: чистые, коротко остриженные ногти без столичного лоска, бледное лицо без белил и румян, недорогие пуговицы дорожного платья.

Оценка была вынесена мгновенно.

По меркам высшего света Вальтерграда баронесса Элиза Вейр была нищей провинциалкой.

Никого в этом доме не волновало, что все средства Белого Яра вложены в перерабатывающие цеха, в отборное зерно, в механические прессы и регулярную плату сотне мастеров. Для столичной челяди значение имели лишь парча, фамильный жемчуг и тяжесть серебряной посуды. В их представлении она выглядела безродной мельничихой, которую молодой лорд подобрал в захолустном гарнизоне и привёз в родовое гнездо из прихоти.

— Прикажете развесить платья в гардероб, миледи? — осведомилась горничная. В вежливом голосе сквозил заученный холодок.

— Повесьте, Клара. И велите разжечь камин. В комнате сыро.

— Слушаюсь, миледи.

Девушка присела в аккуратном книксене и выскользнула за дверь.

К вечеру город погрузился в густую синеву. В камине наконец затрещали сухие буковые поленья, выгоняя застоявшийся холод.

Элиза умылась с дороги, сменила запylённое дорожное платье на чистое тёмное сукно и решила спуститься вниз, чтобы забрать у дежурного лакея оставленную в каретной прихожей карту столичных предместий.

В галерее второго этажа царил полумрак — свечи берегли, зажигая лишь редкие бра у поворотов.

У резной балюстрады Элиза замедлила шаг: с площадки бельевой кладовой этажом ниже доносились приглушённые голоса.

Говорили двое: экономка госпожа Бран и Освальд.

— ...и ни единого путного наряда, господин Освальд, — с ядовитым нажимом говорила экономка. — Клара рассказывает, в сундуках одни бумаги да сухари, прости господи. Платья будто из приюта. Ни кружева, ни бархотки. Сапоги такие, что только на конюшню по навозу ходить.

Дворецкий отозвался коротким скрипучим смешком:

— Северная глушь, фрау Бран. Чего вы ждали от вдовы захолустного баронета?

— Я ждала, что у милорда Рейнара хватит ума не тащить деревенскую мельничиху в фамильный дом! — зашипела женщина. — Вы представляете, во сколько казне рода обойдётся одеть это недоразумение к семейному обеду? Модистки сдерут три сотни крон за срочность, а толку? Породу под простым сукном не скроешь.

— Придержите язык, фрау Бран, — оборвал её Освальд. — Милорд волен тешиться, кем пожелает. Но маркиза Вальд возвращается к концу седмицы. Уж её сиятельство быстро укажет северной гостье её настоящее место. Если девица доживёт до первого выхода в свет и не сбежит обратно в свои снега — это будет чудом.

Послышался шорох юбки и стук удаляющихся шагов. Элиза осталась у балюстрады, глядя на темнеющие ступени.

Обижаться на прислугу было бессмысленно. На производстве она видела таких старожилов десятками: цеховые мастера и секретарши точно так же шипели по углам, когда на комбинат приходил молодой технолог с новыми правилами. Ждали, что сломается на первом же сбое.

Не дождались. Пришлось подчиниться порядку всем — от подсобника до начальника смены.

Элиза вернулась в покои. Расклад был ясен. Если челядь Вальдов встречает её с плохо скрытым презрением, то семья Рейнара и высший свет столицы встретят в штыки. Её попытаются сбить с толку, высмеять, выставить приживалкой и заставить замолчать.

Защита Рейнара здесь бесполезна. Любое заступничество перед матерью или Военным советом лишь подтвердит пересуды: столичный щеголь прикрывает свою фаворитку. Полагаться на чужое плечо было нельзя.

Она села к столу, поправила свечу и разложила перед собой бумаги с отчётом о казённых складах. Обмакнула перо в чернила и вывела на чистом листе:

«Сводная записка об убытках и порче казённого хлеба при провозе по центральным трактам Вальтерии».

Её право голоса никто не поднесёт на серебряном блюде. Его придётся доказывать самой — расчётом за расчётом, правилом за правилом, цифрой за цифрой.

И к этой работе Элиза Вейр была полностью готова.

Глава 3

Утро в особняке Вальдов началось с выверенного до секунды звона тонкого фарфора.

Элиза спустилась в малую столовую ровно в восемь. На ней было то же тёмно-серое шерстяное платье с глухим воротом, в котором она прибыла накануне: чистое, выглаженное горничной, без единой лишней складки, но подчёркнуто чужое среди тяжёлых портьер и резных дубовых буфетов. Волосы лежали в строгой корзинке кос — ни завитка, ни следа пудры.

За круглым столом у высокого окна её уже ждали. По правую руку сидел Рейнар в свежем штабном мундире, а во главе стола находилась дама, чьё присутствие делало просторную залу ещё холоднее. Старшая тётка Рейнара, вдовствующая баронесса Элеонора Вальд, правила столичным домом в отсутствие маркизы-матери с непререкаемой строгостью полкового интенданта старой закалки. Сухопарая, прямая как шомпол, в чёрном шёлковом платье с воротником-стойкой из старинного кружева, она держала серебряную чашку узкими пальцами, унизированными тяжёлыми траурными агатами.

— Доброе утро, Элиза. — Рейнар поднялся навстречу и отодвинул для неё массивный стул с высокой резной спинкой.

— Доброе утро, Рейнар. Сударыня. — Элиза обозначила лёгкий, сдержанный поклон.

Леди Элеонора опустила чашку на блюдце без малейшего стука. Тонкие губы тронула светская усмешка.

— Садитесь, дитя моё. Мы наслышаны о ваших трудах на северных рубежах. Рейнар вчера долго распространялся о вашей деловитости. Удивительно, право. В наше время барышни из приличных домов упражняются на лютне или вышивают бисером, но провинциальное вдовство, по-видимому, диктует свои... причудливые обычаи.

Лакей в белых перчатках наполнил чашку Элизы горячим взваром из заморских бобов и поставил перед ней тарелку с тонкими тостами и прозрачными ломтиками копчёного око-рока.

— Провинциальное вдовство приучает считать доходы и расходы, сударыня. Музыка и бисер плохо спасают от долговых расписок.

Элиза намазала масло на хлеб, не торопясь и не давая собеседнице удовольствия увидеть поспешную защиту. Леди Элеонора чуть приподняла бровь, но продолжила тем же безукоризненно любезным тоном:

— Разумеется, практичность похвальна. Когда она к месту. Но вы прибыли в столицу, баронесса. Здесь иные правила и совсем другие масштабы. Мой племянник полон благородного пыла, он молод и видит в людях лишь то, что желает видеть. Однако дом Вальдов имеет обязательства перед ко-

роной и высшим обществом. Мы не можем позволить, чтобы помолвка старшего в роду офицера выглядела досадным недоразумением.

Она промокнула губы батистовой салфеткой и поднялась.
— Прошу вас в малую гостиную. Завтрак окончен, а время не ждёт.

В малой гостиной уже шла деловая суета, живо напоминая развёртывание полевого лазарета. На шёлковых диванах лежали штуки плотной парчи, переливчатого атласа, бархата цвета спелой сливы и отрезы кружева. У окна с записной книжкой стоял чиновный господин в круглых очках — приказчик модного торгового дома. Рядом хлопотала полная нарумяненная женщина с мерной лентой на шее, мадам Розье, первая модистка аристократического квартала. Чуть поодаль сидела чопорная дама средних лет в строгом коричневом платье, неестественно выпрямив спину, — наставница придворного этикета.

— Вот, извольте видеть. До субботнего приёма у военного министра осталось три дня. За этот срок мы обязаны совершить чудо. Мадам Розье снимет мерки для пяти выездных платьев, бального туалета и утренних пеньюаров. Госпожа Беранже преподаст вам основы столичной поступи, веерного этикета и правила обращения к титулованным особам.

Леди Элеонора оглядела тёмное сукно Элизы с тем особым выражением, которое бывает у человека, уже мысленно исправившего чужую оплошность.

— Дом Вальдов берёт все расходы на себя. Ни один купец или приказчик не посмеет сказать, что будущая невестка нашего рода явилась ко двору в одежде северной мельничихи. Считайте это подарком семьи.

Мадам Розье шагнула вперёд, распустив мерную ленту, но Элиза остановила её жестом.

— Благодарю за щедрость, леди Элеонора. Но расходы на свою одежду я оплачу сама.

Приказчик перестал писать. Мадам Розье перевела глаза на хозяйку дома, а госпожа Беранже поджала губы.

— Что вы сказали? — спросила Элеонора.

— Что не нуждаюсь в благотворительности.

— Элиза, — вмешался Рейнар. — Тётка права хотя бы в одном. Тебе нужен гардероб, подобающий столице. Если тебя смущают деньги рода, я могу оплатить всё сам. Из собственного жалованья.

Элиза повернулась к нему.

— Рейнар, мы уже говорили об этом. Я приехала в Вальтерград не за приданым и не за покровителями. Я прибыла по указу короля на государственную службу. Если первое, что обо мне узнают в Военном совете, — что Вальды привезли северную баронессу, поселили в своём доме и одели за собственный счёт, разбираться в моих полномочиях будут уже после того, как решат, кем меня считать.

— Это дикость! — вспыхнула леди Элеонора, сжав костяной веер. — Вы понимаете, как будете выглядеть перед ми-

нистрами в этом сером мешке? Вас поднимут на смех раньше, чем вы успеете открыть рот.

— Поэтому мне и нужна подходящая одежда. Только платить за неё буду я.

Элиза обратилась к мадам Розье:

— Мне нужны три платья. Два для службы и одно для официальных приёмов. Рабочие — тёмно-синее и графитовое. Ткань плотная, хорошей выделки, чтобы держала форму и не приходила в негодность после нескольких поездок.

Мадам Розье, до этого ожидавшая указаний хозяйки дома, наконец вступила в разговор сама:

— Для службы это разумно, ваша милость. Но на министерский приём в таком сукне я вас не выпущу. При вечернем свете оно станет плоским и тяжёлым, а строгий ворот ещё сильнее подчеркнёт дорожный крой. Для третьего платья нужна более лёгкая ткань.

Элиза уже собралась возразить, но остановилась. В голосе модистки не было ни насмешки, ни сословного превосходства. Та говорила о платье так же, как Лотта говорила о закваске или Финн — о качестве зерна.

— Хорошо. Третье платье выбирайте вы. Но без тройных воланов и рукавов, которыми можно снести бумаги со стола.

Мадам Розье прищурилась, мысленно прикидывая крой.

— Узкий рукав оставим для дневных платьев. На вечернем дам небольшую сборку у плеча, не больше. Иначе вы будете выглядеть так, словно пришли на раут прямо из канце-

лярии.

— А я, скорее всего, и приду из канцелярии.

— Это не причина всем об этом знать.

Уголок рта Рейнара дрогнул.

Леди Элеонора ничего не сказала, но веер в её руках перестал двигаться.

— Договорились, — ответила Элиза. — Рабочие платья без оборок, с узкими рукавами. Ворот высокий. Подолы на два вершка выше обычного: я собираюсь ходить по складам, а не собирать ими городскую грязь. И ещё нужно дорожное полупальто из плотного драпа.

— Полупальто за два дня не обещаю, — сразу предупредила модистка. — Если хотите добротную вещь, а не наспех сшитую тряпку, дайте четыре.

— Четыре так четыре.

— Вот видите, — заметила Элеонора. — Иногда столичный опыт всё-таки полезен.

— Когда говорит человек, который знает своё дело, я слушаю.

Ответ был адресован мадам Розье, но леди Элеонора поняла его без пояснений.

Элиза достала из складок дорожной накидки замшевый кошель с гербом Вейров, развязала шнурок и выложила на стол золотые кроны.

— Здесь пятьдесят в качестве аванса. Если два рабочих платья будут готовы послезавтра к полудню, получите ещё

двадцать за срочность. Остальное можно закончить позже.

Мадам Розье взяла одну монету, привычно проверила чеканку и положила обратно.

— Два платья к полудню будут. Но сегодня вечером и завтра утром я вас примерю. Если пропустите хоть одну примерку, срок снимаю.

— Согласна.

Леди Элеонора щёлкнула веером.

— По крайней мере, вы способны договариваться.

— Я никогда не спорю ради самого спора.

Рейнар кашлянул, и Элиза повернула к нему голову.

— Что?

— Ничего. Я же молчал.

— Это было верным решением.

Мадам Розье спрятала улыбку, склонившись над записной книжкой.

Леди Элеонора поднялась с дивана.

— Госпожа Беранже останется. До приёма вы хотя бы научитесь различать поклон герцогине и маркизе. Я не намерена объяснять министру, что северная независимость запрещает вам соблюдать придворный этикет.

На этот раз Элиза не стала возражать.

Урок госпожи Беранже оказался скучным, но далеко не бесполезным. В столичном обществе существовала целая система мелочей, каждая из которых могла быть истолкована как знак уважения, пренебрежения или намеренного вызова.

Элиза быстро поняла, что незнание этих правил не сделает её свободнее — только даст противникам лишний повод отвлечь разговор от дела. Поэтому она слушала, запоминала порядок титулов и несколько раз просила повторить то, что могло пригодиться на официальных приёмах.

Мадам Розье и приказчик ушли раньше, унеся мерки, образцы тканей и задаток. Когда наконец откланялась и наставница, Элиза вышла в галерею второго этажа.

Рейнар догнал её у высокой оконной ниши.

— Я ожидал худшего, — признался он.

— От меня или от своей тётки?

— От вас обеих.

Элиза остановилась у подоконника.

— Она пыталась купить меня.

— Она пыталась сделать то, что всю жизнь считала обязанностью старшей женщины рода.

— От этого мне должно стать легче?

— Нет. Но это объясняет, почему она не считает себя твоим врагом.

Элиза посмотрела на него. В первой главе он сам совершенно искренне решил за неё, что столичная служба станет подарком. Видимо, семейная привычка заботиться о людях так, чтобы не спрашивать их мнения, имела глубокие корни.

— Тогда ей придётся привыкнуть, что я тоже не считаю себя её врагом. Но одевать, воспитывать и перестраивать меня без разрешения всё равно не позволю.

— Я даже спорить не буду.

— Ты опять собираешься сказать, что я невыносимая?

— Сегодня нет.

— Почему?

Рейнар усмехнулся.

— Потому что ты всё-таки послушала модистку.

Элиза фыркнула.

— Мадам Розье понимает в платьях больше меня. Было бы глупо нанять специалиста и объяснять ему, как делать его работу.

Рейнар несколько секунд молчал, а потом кивнул так, словно услышал в этой фразе нечто предназначенное не только для модисток.

— Это я тоже запомню.

Элиза уже собиралась ответить, когда по лестнице поднялся Освальд. На серебряном подносе лежал запечатанный пакет из плотной казённой бумаги с синим оттиском.

— Пакет для госпожи баронессы Вейр. Доставлен нарочным из Центрального провиантского приказа.

Элиза забрала письмо и вернулась в гостевой кабинет. Сломала сургуч, развернула плотный лист и прочла предписание.

«Её благородию вдовствующей баронессе Элизе Вейр надлежит явиться завтра, шестнадцатого дня месяца листопада, к восьми часам утра в Главное интендантство королевства для представления ревизионной комиссии Центрально-

го провиантского приказа».

К письму прилагалась выписка из патента с королевской печатью. Элиза пробежала первые строки, затем вернулась к началу и прочла уже внимательно.

Рейнар говорил о переустройстве армейского снабжения. На бумаге её назначение выглядело куда скромнее.

«Назначается временным советником-экспертом по оценке технологических потерь зернового фонда при комиссии Провиантского приказа».

Дальше начинались ограничения. Баронесса Вейр имела право осматривать складские помещения в присутствии дежурного смотрителя, запрашивать ведомости расхода зерна за прошлый квартал и подавать письменные записки на имя младшего помощника главного интенданта. При этом ей запрещалось отдавать прямые распоряжения гарнизонным пекарням, изменять заведённый порядок помола и распределения зерна, запрещать выпечку из отсыревшей муки и отстранять складских приказчиков без общего решения совета гильдий.

Элиза перечитала последний параграф. Ей отвели роль наблюдателя. Достаточно заметную, чтобы королевский указ считался исполненным, и достаточно бессильную, чтобы существующий порядок не пришлось менять без согласия тех, кто этим порядком управлял.

На производстве она сталкивалась с подобным не раз. Проверяющему разрешали войти в цех, посмотреть журна-

лы и написать заключение, но запрещали остановить линию, даже если брак уже шёл десятками тонн. Формально доступ был. Реального рычага не было.

Она отложила бумаги, но почти сразу снова взяла патент. Первое раздражение мешало думать. А раздражение в работе всегда было плохим советчиком. Элиза прочла текст ещё раз, теперь не задерживаясь на запретах.

Осматривать склады — можно. Запрашивать ведомости — можно. Оценивать технологические потери — для этого её и назначили. Нигде не говорилось, что она обязана довольствоваться итоговыми сводками или верить причинам списания на слово. Если ей поручено оценить потери, значит, придётся видеть, откуда эти потери взялись.

Вот с этим уже можно было работать.

Она придвинула к себе дорожную тетрадь, раскрыла записи, сделанные на тракте, и положила рядом патент. Промокшие мешки у переправы, простои на мытнях, дурная укладка груза и привычка списывать всё на усушку переставали быть разрозненными наблюдениями. Завтра ей предстояло увидеть, как те же самые потери выглядели в казённых книгах.

Элиза взяла чистый лист и наметила порядок проверки: что отправлено, что принято на склад, сколько списано и на каком основании. Не вывод, не обвинение и даже не гипотеза — пока только способ не утонуть в чужих цифрах.

За окном уже темнело. В коридоре прошёл лакей, где-то

внизу звякнул поднос, но Элиза почти не слышала домашних звуков. Перед ней лежали дорожные записи и гербовая бумага с тщательно выписанными ограничениями.

До восьми утра шестнадцатого дня листопада оставалось достаточно времени, чтобы подготовиться как следует.

Глава 4

В семь часов утра осенний Вальтерград тонул в серой полутьме. Над мостовыми стелился туман, пахнувший печным чадом и сырой речной тиной.

К кованым воротам Центрального провиантского приказа подкатила наёмная двухместная карета. Элиза вышла на мостовую, придерживая край шерстяного плаща. На ней было прежнее тёмно-серое платье, вычищенное и заново выглаженное Кларой: узкие рукава, глухой ворот, подол чуть выше столичной слякоти. Мадам Розье только вчера сняла мерки; ждать чудес от её мастерской Элиза не собиралась. В руках она держала толстую конторскую папку из тиснёной кожи с медным замком.

Здание Провиантского приказа давило тяжеловесной казённой помпезностью. Широкие гранитные лестницы, резные дубовые двери, бесконечные анфилады коридоров, пропахших дешёвыми сальными свечами, чернилами и вековой пылью неразобранных дел.

В приёмной главного смотрителя её заставили прождать сорок минут. Уловка была мелкой и хорошо знакомой любому проверяющему: показать посетителю его место ещё до начала разговора.

Элиза устроилась на жёстком стуле и раскрыла дорожную тетрадь. Вчера вечером она уже разметила порядок провер-

ки, поэтому время не пропало зря. Когда створки кабинета наконец распахнулись, на полях напротив дорожных потерь стояло ещё несколько пометок.

Глава приказа, граф Мортимер, встретил её посреди просторной залы, устланной ворсистым ковром. Мужчина лет пятидесяти с гладким, лощёным лицом и завитым париком носил камзол из вишнёвого бархата. Тонкие кружева на его запястьях подрагивали при каждом движении, на пальце поблескивал массивный изумрудный перстень.

— Ах, баронесса Вейр! С прибытием в столицу! — Мортимер улыбнулся так, словно перед ним стоял не назначенный короной эксперт, а бедная родственница, пришедшая просить о вспоможении. — Лорд Вальд столько рассказывал Военному совету о вашей трогательной заботе о провинциальных пекарнях. Истинный пример женского милосердия!

Он указал на кресло с парчовой обивкой.

— Присаживайтесь, дорогая моя. Понимаю, после долгой дороги трудно сразу вникнуть в столичную суету. Но вы можете быть совершенно спокойны. Наш приказ уже обо всём позаботился. Комиссия подготовила сводные ведомости по зерновым запасам за последний год. Писари перебеливают чистовики. Вам останется лишь скрепить их своей подписью в графе эксперта и наслаждаться прелестями столичных приёмов. Зачем вам пачкать руки казённой пылью?

Элиза оставила кресло пустым, подошла к столу и положила на полированную поверхность кожаную папку.

— Я прибыла сюда по государственному делу, господин смотритель. Бумаги, составленные без моего участия, подписывать не стану. В патенте закреплено моё право осматривать складские помещения.

Мортимер приподнял нафабранные брови. Улыбка стала уже не такой широкой.

— Какая похвальная ревность к службе! Что ж, если вам непременно угодно лично убедиться в порядке наших магазинов — извольте. Я сам составлю вам компанию. Карета подана к внутреннему двору.

Главные королевские житницы занимали целый квартал у восточной излучины реки. Каменные корпуса, огороженные кирпичной стеной с караульными вышками, походили на крепость.

Граф Мортимер повёл Элизу к первому корпусу, расположенному прямо напротив караульного помещения.

— Обратите внимание, баронесса. Гордость нашего приказа! Главный резервный магазин первого разряда.

Двое караульных распахнули массивные створки.

Внутри царил безупречный порядок. Воздух был сухим, пахло чистым зерном и свежей известью. Проезд между рядами вымели начисто. Вдоль стен на сосновых лежнях аккуратными штабелями возвышались мешки из плотной холстины, каждый опечатанный свинцовой пломбой с королевской лилией.

Смотритель корпуса подал бархатную книгу учёта, где

каждая строка была выведена старательным писарским подчерком.

— Полное соответствие уставам, — сказал Мортимер, пока Элиза обходила штабель. — Никакой влаги, никакой порчи. Государственный хлеб под надёжной охраной. Полагаю, вопрос исчерпан? Мы можем вернуться в приказ и подписать протокол осмотра.

Элиза не стала трогать мешки. Что-то здесь было слишком новым для старого резервного склада. Сосновые лежни оставались почти чистыми, хотя при долгом хранении между ними неизбежно набивалась мучная пыль. Известь на стенах пахла так, будто её нанесли совсем недавно. Даже проходы вымели не просто хорошо, а к чьему-то приезду.

— Корпус содержится образцово, граф. Поэтому я начну не с него.

Она подошла к конторке дежурного писаря и кивнула на пожелтевший чертёж, висевший на стене.

— Покажите общий план складских линий. Мне нужны номера корпусов и даты последних загрузок.

Писарь вопросительно обернулся к Мортимеру. Тот помедлил, затем разрешил коротким движением пальцев.

Через минуту план уже лежал на конторке. Элиза провела по схеме от подъездных путей к водоотводным каналам и речной протоке. В дальнем углу территории между глухой стеной и заболоченным берегом стоял ещё один корпус.

— Шестой. Что хранится там?

Мортимер перевёл взгляд на чертёж.

— Дальний амбар по южной линии. Сейчас он на санитарной выдержке. Ветхие стропила, просевший пол, плотники ещё не закончили работы. Совершенно незачем тащиться туда по грязи.

— Когда его загружали?

Граф не ответил сразу.

Элиза посмотрела на писаря.

— Дата последней загрузки должна быть в книге.

— Сударыня, — голос Мортимера стал жёстче, — я предупредил вас, что помещение небезопасно.

— Именно поэтому его и следует осмотреть. Если в аварийном корпусе нет казённого хлеба, мы потеряем только десять минут. Если есть — у меня появятся вопросы.

Спорить с формулировкой собственного устава граф не стал.

Дорога к шестому корпусу заняла около десяти минут. Чем дальше они отходили от ворот, тем заметнее становилось запустение. Каменная мостовая сменилась разбитой колеёй, у стен валялись гнилые обручи и кучи прелой соломы.

Ворота амбара оказались заперты. Огромный железный засов покрылся бурой ржавчиной. Ключника искали четверть часа; старик прибежал запыхавшийся и не сразу справился с заклинившим замком.

Когда створка наконец отворилась, из темноты пахло кислым брожением, аммиаком и застарелой плесенью.

Элиза переступила порог. Мортимер остался у входа, прижав к носу надушенный платок.

Внутри не было настилов. Мешки в двенадцать ярусов навалили вплотную к промёрзшим гранитным стенам, по которым сочился конденсат. Ткань нижних рядов потемнела, сквозь прорехи сыпалась труха. Пол был усыпан шелухой, между штабелями тянулись цепочки крысиного помёта, из дальних углов доносился шорох потревоженных грызунов.

— Вот ваша санитарная выдержка, — сказала Элиза.

— Это временный избыток груза после осенних поставок! — Мортимер заговорил громче, чем требовалось в пустом амбаре. — Обозы пришли одновременно, приказчики просто не успели распределить товар.

Элиза не стала отвечать. Объяснения можно было записать позже; сейчас ей нужны были пробы.

— Принесите весы на треноге, зерновой щуп длиной в два локтя и медную жаровню с углями. И несколько чистых мешочков для образцов.

Караульные снова посмотрели на Мортимера.

— Господин смотритель, — добавила Элиза, — моё право брать материал для оценки технологических потерь вы тоже намерены оспорить?

Мортимер резко махнул рукой:

— Исполняйте.

Вскоре всё необходимое доставили. Элиза сняла перчатки, убрала их в карман плаща и подошла к центральному

штабелю.

Сначала щуп вошёл в верхний ярус. На лоток высыпалась сухая золотистая рожь без заметной примеси. Элиза растёрла несколько зёрен между пальцами, отсыпала часть в мешочек и завязала бирку.

Потом опустилась у стены и ввела щуп в нижний ряд, туда, где мешок был придавлен к холодному камню.

На этот раз металл шёл тяжело. Когда она открыла за-слонку, на лоток выпала серо-бурая комковатая масса. Зёрна слиплись, оболочка размякла, кислый запах чувствовался даже без жаровни.

Элиза взяла верхнюю и нижнюю пробы, взвесила одинаковые навески и поочерёдно прогрела небольшую часть на меди. Нижняя шипела заметно дольше и теряла массу гораздо быстрее.

— В нижних рядах влаги значительно больше нормы. По такой быстрой пробе я не стану называть точную цифру, но меньше двадцати процентов здесь вряд ли будет. Точное содержание определим контрольной сушкой и повторным взвешиванием. Пока достаточно другого: зерно лежит на голлом камне, мешки прижаты к мокрой стене, между штабелями нет зазора.

Она ещё раз ввела щуп глубже в завал и через несколько секунд вытащила его обратно. Металл был ощутимо тёплым.

— Здесь уже идёт самосогревание. Если оставить штабель как есть, порча пойдёт дальше в глубину, а вместе с ней вы-

растет и риск тления.

Мортимер переступил с ноги на ногу.

— Вы строите выводы на двух горстях зерна.

— Поэтому я беру пробы из разных ярусов.

Следующий мешок оказался из среднего ряда. Вместе с рожью на лоток посыпались овсяная шелуха, семена сорняков и серый прошлогодний смет.

Элиза пересыпала образец в отдельный мешочек и передала его писарю.

— Эту пробу опечатать. В книге она тоже проходит как хлеб первого класса?

Мортимер раздражённо отдёргнул манжету.

— Если поставщик нарушил условия, будет взыскание. Но это ещё не доказывает системного нарушения.

— Не доказывает. Поэтому осмотр продолжается.

Ответ, похоже, раздосадовал графа сильнее обвинения.

Мясное хранилище располагалось в глубоких подземных галереях под северным бастионом. Там пахло холодным камнем и несвежим жиром. Вдоль сводов в кованых бронзовых оправках тускло мерцали голубые кристаллы морозильной магии, на стенах лежал тонкий слой инея.

— Здесь, надеюсь, даже вы останетесь довольны, — сказал Мортимер, осторожно ступая по скользким плитам. — Лучшие морозильные кристаллы короны. Температура держится круглый год.

Элиза подошла к первому ряду бочек. Под коркой льда

дерево лоснилось от бурой слизи.

— Откройте эту.

Караульный сбил верхний обруч и поддел крышку ломиком. Донце подалось, выпустив тяжёлый запах разложения.

Поверхность рассола затянула серая пена с маслянистыми разводами. Пласты мяса у стенок позеленели.

Мортимер отшатнулся первым.

Элиза склонилась над бочкой, но содержимого не касалась.

— Холод есть. Значит, одной температуры недостаточно. Когда последний раз проверяли крепость рассола?

— По уставу этим занимаются поставщики.

— Я спросила когда.

Ответа не последовало.

Элиза велела принести чистую медную меру, небольшую чашку и пустую склянку. Часть рассола отлили для опечатанной пробы, одинаковый объём второй порции поставили на жаровню. Пока вода уходила паром, она осмотрела соседние бочки. На нескольких обручах выступала та же бурая слизь, у стен стояла талая вода, а продухов в галерее не было вовсе.

Когда в чашке остался соляной осадок, Элиза дала ему остыть и поставила на весы.

— Соли меньше, чем положено на такой объём по уставной закладке. Насколько именно разбавлен рассол, запишем после контрольного взвешивания пробы. Но утверждать, что здесь всё портится только из-за недостатка холода, уже нель-

зя.

— Вы цепляетесь к каждой бочке! — огрызнулся Мортимер.

— Пока только к той, где мясо зеленеет.

Она указала караульным на весы.

— Поставьте бочку на платформу.

Двое мужчин с усилием водрузили её на площадку. Стрелка остановилась на семи с половиной пудах.

Элиза сверилась с накладной, прибитой к стойке, и перечитала строку ещё раз.

— Здесь указано десять пудов чистого содержимого. А вся бочка вместе с деревом, обручами и рассолом весит семь с половиной.

На этот раз даже Мортимер не нашёл ответа сразу.

— Значит, недостача больше двух с половиной пудов, потому что мы ещё не вычили тару. Эту бочку опечатать и не трогать до повторного взвешивания. То же самое сделаем с выборкой из остальных рядов. Если расхождение повторится, поставщиками одним объяснением вы не отделаетесь.

— Вы не вправе превращать одну испорченную бочку в обвинение всему приказу!

— Поэтому я пока никого не обвиняю, граф. Я фиксирую то, что можно измерить.

Мортимер выхватил из кармана золотые часы. На циферблат он всё-таки посмотрел.

— Довольно. Присутственный день окончен. По уставу

приказа ревизии в неурочное время запрещены. Осмотр прекращается.

Он направился к лестнице, на ходу запахивая камзол.

— Все ваши выводы юридически ничтожны без подписи полного состава коллегии. Я не позволю устраивать здесь самоуправство.

Элиза не стала удерживать его. Из кармана она достала свои часы, сверила время, затем открыла тетрадь и занесла результаты осмотра. В шестом корпусе она отметила сырость нижних ярусов, признаки брожения и самосогревания, неправильную укладку у промёрзшей стены и обнаруженную примесь в зерне первого класса; точную влажность оставила до контрольной сушки. По мясному леднику записала порчу нескольких открытых бочек, недостаточную крепость проверенной пробы рассола, отсутствие продухов и главное — фактическую массу бочки, которая даже вместе с тарой оказалась ниже указанного в накладной чистого веса.

Рядом она перечислила номера взятых образцов и попросила дежурного писаря расписаться напротив каждой опечатанной пробы.

Мортимер задержался у лестницы.

— Что вы делаете?

— То, ради чего меня сюда назначили. Отделяю наблюдения от выводов.

— Коллегия всё равно не примет этот протокол без моей подписи.

— Тогда в рапорте будет указано, что главный смотритель присутствовал при осмотре и отказался подписывать результаты.

Граф посмотрел на писаря. Тот поспешно опустил голову к книге.

Элиза закрыла папку.

— Сегодня этого достаточно. Завтра в шесть утра я продолжу проверку. Подготовьте книги поступления по шестому корпусу и накладные на мясной ледник. Понадобятся также весы, щупы и место, где можно провести контрольную сушку проб.

— В шесть утра приказ закрыт.

— Тогда откроете в шесть.

Она прошла мимо него и поднялась по стылým гранитным ступеням. За один день Элиза ещё ничего не доказала о всём Провиантском приказе — один испорченный амбар и несколько бочек этого не позволяли. Но теперь у неё были опечатанные образцы, измеренное расхождение веса и фамилии людей, отвечавших за документы.

Для первого осмотра этого было достаточно.

Глава 5

Рассвет над Вальтерградом едва проступал бледной полосой, когда лёгкая бричка Элизы загрохотала колёсами по булыжникам Провиантского двора. В шесть часов утра главные житницы столицы казались вымершими. В караулке у ворот тускло чадил масляный фитиль, и сонный дежурный урядник в незастёгнутом кафтане выронил трубку, увидев вчерашнюю северянку в тёмном дорожном сукне вместо привычного чиновничьего кортежа.

Следом за ней Курт и двое нанятых на городской заставе артельщиков выгружали рабочий инвентарь: коромысловые весы на дубовой треноге, ящик с литыми гириями, холщовые мешочки для проб и вчерашние образцы из шестого корпуса, каждый под сургучной печатью. Отдельно Курт бережно снял небольшой жестяной ящик с крышкой — в нём Элиза собиралась охлаждать высушенные навески перед повторным взвешиванием.

— Доброе утро, — сказала она уряднику. — Мне обещали книги поступления по шестому корпусу, накладные мясного ледника и место для контрольной сушки проб.

— Ваше благородие... смотрители только к восьми придут. Старший писарь ключи при себе держит.

— Вчера главный смотритель присутствовал, когда я пре-

дупредила о времени продолжения проверки. Пошлите за ним и за писарем. А пока откройте караульную печь и найдите человека, который умеет обращаться с весами.

Урядник явно ожидал угрозы актом о воспрепятствовании ревизии и на мгновение растерялся от вполне хозяйственного распоряжения. Потом заторопился выполнять.

Через четверть часа на длинном столе в караулке уже стояли весы. Элиза вскрыла вчерашние пробы в присутствии дежурного писаря, отвесила одинаковые порции зерна, записала исходную массу и поставила их сушиться при устойчивом жаре. После первого прогрева навески охлаждали под крышкой и взвешивали снова, затем возвращали к теплу. Процедура была медленной, зато позволяла получить цифру из потери массы, а не из впечатления от сырого зерна.

Пока первая партия сохла, Элиза велела открыть четвёртый корпус.

К семи часам Провиантский двор ожил. На рампе установили вторые весы, из караулки вынесли конторский стол, и к нему потянулись амбарные книги. Артельщики под надзором Элизы снимали мешки из верхних, средних и пристенных рядов, взвешивали их и отбирали образцы.

Старший амбарный писарь Барнаби появился одним из первых. Желчный старик в засаленном камзоле выскочил на рампу с пухлой книгой под мышкой и сразу потребовал объяснить, почему казённый хлеб таскают туда-сюда до начала присутственного дня.

— Покажите партийные ярлыки на этот штабель, — попросила Элиза.

Барнаби посмотрел на неё как на человека, который предложил пронумеровать отдельные зёрна.

— Какие ещё ярлыки, госпожа эксперт? Здесь зерно сыпное. Пришло с ярмарки, приняли весом, свели по приходу и сыпали в заком. Хотите знать, откуда оно, — смотрите книгу закома. В мешках его только внутри корпуса таскают.

Элиза задержала руку над листом. В Белом Яре партии не смешивали именно для того, чтобы можно было проследить сырьё до поставщика. Здесь система была устроена иначе, и требовать несуществующую маркировку только потому, что она привыкла работать с ней дома, было бессмысленно.

— Хорошо. Тогда книгу закома, приходные записи и даты пополнения.

Барнаби всё ещё сердито сопел, но книгу раскрыл сам.

— Вот первый приход. Вот второй. Тут довозили после осенней ярмарки. А это уже зимняя запись.

— Значит, будем сверять по датам поступления и слоям закладки.

Старик покосился на неё и ткнул грязным ногтем в край страницы:

— Если полезете к задней стене, берите нижний ряд отдельно. Там прошлой весной камень мокнул после паводка.

Элиза подняла голову.

— Почему этого нет в сводке?

— Потому что стену побелили и велели считать исправной.

— Вот это уже стоило записать.

К девяти часам возле рампы накопилось достаточно проб, чтобы цифры начали складываться в картину. В этот момент во двор вкатила щегольская карета графа Мортимера.

Он вышел в строгом синем камзоле, опираясь на трость с золотым набалдашником, и некоторое время молча смотрел на весы, открытые книги и мешки, выставленные вдоль стены.

— Баронесса, мне донесли, что вы с рассвета перевешиваете государственные запасы. Неужели вчерашнего представления оказалось недостаточно?

— Вчера я осматривала условия хранения. Сегодня проверяю учёт.

— Учёт ведётся десятилетиями и прекрасно обходился без утренних упражнений с гирями. Зерно лежит здесь четырнадцать месяцев. Оно сохнет, теряет вес. Таков естественный порядок вещей.

Элиза закрыла последнюю графу и подвинула к нему амбарную книгу.

— Именно поэтому я и решила проверить, сколько веса могла дать усушка.

По книгам в четвёртый корпус осенью прошлого года заложили сорок тысяч пудов ржи с исходной влажностью четырнадцать процентов. За четырнадцать месяцев в графу

естественной убыли ушло семь тысяч двести пудов — восемнадцать процентов всей заложенной массы.

— Ну и что же? — Мортимер пожал плечами. — Лето было сухим. Вода испаряется даже из хлеба, баронесса.

— Испаряется. Но не вместе с сухим веществом.

Она взяла чистый лист.

— В сорока тысячах пудов зерна при четырнадцати процентах влаги содержалось пять тысяч шестьсот пудов воды. Всё остальное — тридцать четыре тысячи четыреста пудов — сухое вещество. Если поверить вашей ведомости, после списания семи тысяч двухсот пудов в корпусе должно было остаться тридцать две тысячи восемьсот. Это меньше одной только исходной массы сухого вещества. Даже если представить невозможное и высушить зерно совершенно досуха, вес всё равно не мог упасть ниже тридцати четырёх тысяч четырёхсот пудов без потери самого зерна.

Мортимер перестал постукивать тростью по сапогу.

Элиза продолжила:

— А оно не высохло досуха. Мы с утра проверяем вчерашние опечатанные пробы контрольной сушкой. Верхние слои действительно подсохли примерно до обычной кондиции, у стен влаги заметно больше. Так что объяснить семь тысяч двести пудов одной усушкой нельзя даже теоретически.

Барнаби, стоявший чуть в стороне с книгой в руках, кашлянул.

— Я про стену говорил, ваше сиятельство.

Мортимер смерил писаря таким выражением, что старик предпочёл заняться страницами.

— Допустим, — сказал граф. — В старой сводке ошиблись. Вы намерены из бухгалтерской небрежности сделать государственное преступление?

— Пока я намерена понять, куда делась масса, которую нельзя списать на воду. Для этого нужны расходные документы четвёртого корпуса.

Вокруг продолжалась работа. Кто-то таскал мешки, скрипело коромысло весов, писарь выкрикивал номера. Никто не застыл в ожидании ответа графа, и Мортимеру пришлось говорить посреди этого неприятно будничного шума.

— Пройдёмте в приказ, баронесса. Не вижу смысла обсуждать служебные документы на дворе.

В кабинете главы приказа было тепло и пахло жареным за-морским кофе. На столике из красного дерева дымился тонкий фарфор, рядом лежали миндальные пирожные и цукаты. Мортимер сам наполнил чашку и придвинул её к Элизе.

— Попробуйте. После нескольких часов на холоде вам не помешает согреться.

Она сняла перчатки и села, но папку оставила на коленях.

— Благодарю. Где расходные документы?

Мортимер устроился напротив.

— Вы удивительно нетерпеливы. Я хотел объяснить вам одну вещь, прежде чем вы начнёте делать выводы, о кото-

рых потом пожалеете. Государство гораздо сложнее вашего северного поместья. Военные заказы, фрахт, перевозчики, гильдейские привилегии — всё держится на договорённости. Если потребовать от каждого купца отчитываться за последний фунт зерна, половина из них просто перестанет работать с казной.

— Поэтому семь тысяч двести пудов записали как воду?

— Поэтому я предлагаю вам не превращать каждую крикую строку амбарной книги в дело для трибунала.

Он говорил без прежнего снисхождения. Перед Элизой сидел уже не вельможа, забавляющийся провинциальной женщиной, а чиновник, привыкший десятилетиями удерживать сложную систему в равновесии и искренне считавший это равновесие важнее отдельных строк в книгах.

— Вы вторглись в порядок, который существовал задолго до нашего рождения, — продолжил он. — Здесь задействованы старые торговые дома, перевозчики, военные поставщики. В один день такие связи не перестраивают. Иногда казне выгоднее закрыть глаза на часть потерь, чем получить пустые дороги и голодный город.

— А армия?

— Армия тоже часть государства.

— Тогда я всё-таки посмотрю расходные документы.

Мортимер несколько секунд крутил чашку за тонкую ручку, затем поставил её на блюдце.

— Вы умны, баронесса. И потому должны понимать, что

талант можно использовать с большей пользой, чем для войны со всеми столичными гильдиями сразу. Ваша мануфактура растёт. Камень, лес, оборудование стоят денег. Купеческий союз умеет благодарить людей, которые не создают ему ненужных затруднений.

Он назвал сумму — три тысячи золотых крон за полугодие.

Элиза невольно прикинула, сколько всего можно было бы сделать на эти деньги. Привычка считать сработала раньше отвращения, и именно это почему-то разозлило сильнее всего.

— Вынуждена отказаться.

Мортимер слегка наклонил голову.

— Подумайте ещё. Это довольно внушительная сумма.

— Уже подумала.

— Вы даже не спросили условий.

— Условие я услышала. Мне предлагают подписать удобную цифру вместо настоящей.

Она поднялась и положила на стол лист с расчётом.

— Мои цеха строятся на деньгах, происхождение которых я могу записать в кассовую книгу. Эти не смогу. Поэтому вернёмся к документам. Если недостача не объясняется естественной убылью, должны существовать отпускные записи, переводы между складами или акты уничтожения. Покажите их.

Светская любезность окончательно ушла с лица графа.

— Вы совершаете ошибку, баронесса Вейр.

— Возможно. Но сначала я хочу знать, где ошибка в ваших книгах.

Мортимер поднялся, подошёл к тяжёлому железному шкафу и достал узкую папку, перевязанную тесьмой с гербом Главного штаба.

— Вот куда ушёл ваш хлеб. И прежде чем обвинять Провиантский приказ в воровстве, советую помнить, чья печать стоит на этих листах.

Он положил папку перед ней.

Документы были оформлены как срочное военное предписание. В расходных листах значилось, что часть запасов четвёртого и шестого корпусов была отпущена для формирования чрезвычайного продовольственного обоза № 14. Назначение — Южный корпус маршала Брона. Ответственный за приёмку — полковник интендантской службы барон фон Рихтер.

Отдельной строкой проходили десять тысяч пудов отборной ржи. Дата отправки стояла почти двухмесячной давности.

Элиза сверила номера листов с выписанными утром записями.

— Эти документы не объясняют вашу усушку.

— Напротив. Объясняют, куда уходили запасы.

— Тогда отпуск должен уменьшать остаток как расход по военному предписанию, а не исчезать внутри строки есте-

ственной убыли. Здесь две разные причины движения товара.

Мортимер пожал плечами.

— Спрашивайте писарей. После срочных военных распоряжений книги часто сводят задним числом.

Это могло оказаться обычным казённым беспорядком. Могло — способом спрятать недостачу. Пока документов не хватало, чтобы отличить одно от другого.

Элиза переписала номер предписания, дату отправки, фамилию приёмщика и обозначение обоза. Саму папку Мортимер забрал сразу, как только она закончила.

Из Провиантского приказа она вышла с гораздо большим количеством вопросов, чем утром.

Вечером в особняке Вальдов было непривычно тихо. Леди Элеонора уехала с визитом, прислуга старалась не шуметь, и Элиза заняла гостевой стол картой Вальтерии, дорожной тетрадью и копиями сегодняшних расчётов.

Она провела карандашом линию от Вальтерграда на юг. Шестьдесят дней для военного обоза были большим сроком, но сами по себе ещё ничего не доказывали. Телеги могли задержаться на переправах, свернуть на промежуточную базу, попасть под реквизицию или просто оказаться жертвой плохих сведённых столичных книг.

Около девяти вечера снизу донёсся тяжёлый стук сапог. Через несколько минут в комнату вошёл Рейнар. На дорожном полупальто подсыхали брызги грязи, лицо осунулось по-

сле долгого дня в Главном штабе.

— Ты ещё работаешь?

Элиза отложила карандаш.

— Что произошло на юге?

Он снял перчатки и подошёл к столу.

— Сандийцы перешли пограничную реку. Пока передовые разъезды, но маршал Брон просит военное положение. И это не худшая новость. Из Ставки пришла секретная депеша: в полках заканчивается продовольствие. Третью неделю урезают пайки, не хватает фуража. Маршал требует разбирательства по чрезвычайному обозу, который должен был прийти из столицы и не пришёл.

Элиза подтянула тетрадь.

— Номер четырнадцать?

Рейнар посмотрел на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Сегодня Мортимер показал мне военное предписание. По документам Провиантского приказа обоз № 14 вышел из Вальтерграда чуть больше месяца назад. В нём числится десять тысяч пудов ржи для корпуса Брона.

Рейнар быстро просмотрел выписанные номера.

— Дата совпадает. По реестру штаба он покинул столицу тридцать три дня назад.

— А на фронт не прибыл.

— Нет.

Элиза снова посмотрела на карту. Теперь противоречие

было уже не между её подозрениями и объяснениями Мортимера, а между двумя казёнными системами учёта. Провиантский приказ считал груз отпущенным, Главный штаб — отправленным, южная армия его не получила.

— Значит, мы пока не знаем, где он исчез, — сказала она.
— И это, как минимум, странно.

Рейнар нахмурился.

— После того, что ты нашла на складах, тебе ещё нужны аргументы? Арестовать Мортимера, изъять архив и заставить его объяснять каждую подпись.

— На каком основании? Из-за плохо сведённой амбарной книги и обоза, который по всем документам действительно отправлен. Если сейчас войти туда с солдатами, его адвокаты к утру докажут, что армия пытается прикрыть собственный провал перевозки. А если бумаги исчезнут после ареста, мы уже никогда не узнаем, где оборвалась цепочка.

Рейнар прошёлся вдоль стола. Гнев в нём никуда не исчез, но спорить он уже не спешил.

— Тогда что тебе нужно?

— Первое подтверждение после ворот Провиантского приказа. Кто принял обоз у транспортного ведомства, сколько было подвод, какие дорожные листы выписали и через какие станции он должен был идти. Если обоз действительно вышел из города, на каждом этапе должен остаться след. Если не вышел — это тоже станет видно.

— Военно-транспортное ведомство не любит посторон-

них.

— Я уже заметила, что в столице вообще мало учреждений, которые любят проверяющих.

Рейнар усмехнулся, но почти сразу посерьёзней.

— Я могу запросить книги через штаб.

— Запроси право доступа, если оно понадобится. Но не предупреждай их заранее, какие именно документы я ищу.

Он подумал и кивнул.

— Хм...Разумно.

Элиза подвинула карту ближе. Вместе они восстановили предполагаемый маршрут до первой казённой станции. Рейнар называл перевалочные пункты, которые использовала армия, она записывала их рядом с номером обоза и датой отправки. Впервые за весь день цифры перестали быть только складскими: за каждой из них теперь стояли дорога, лошади, люди и полки, которые ждали хлеб на юге.

Когда список был готов, первой строкой в нём стояло Военно-транспортное ведомство.

Глава 6

Массивные дубовые двери Военно-транспортного ведомства закрылись за Элизой прежде, чем она успела убрать выписки обратно в папку.

На гранитной лестнице секло мелкой снежной крупой. Элиза запахла старый шерстяной плащ и на несколько секунд задержалась под каменным козырьком, просматривая сделанную на ходу запись.

Разговор занял меньше пяти минут. Коллежский асессор Штольц, пузатый чиновник в зелёном мундире с золочёными пуговицами, даже не стал подробно разбирать её документы. Едва увидел строку о временном советнике-эксперте по оценке технологических потерь, как отложил бумагу.

— Ваши полномочия относятся к провиантским складам, баронесса. Обозные колонны, маршрутные листы и распределение грузов на передовой проходят по Военному совету. Сведения первой категории. Без отдельного предписания Главного штаба я вам их не выдам.

Последнюю фразу он произнёс уже почти любезно, но тут же добавил:

— Проверяйте зерно в амбарах. Армейские дороги — дело военных.

На этот раз Элиза спорить не стала. Формально Штольц был прав. Её патент открывал двери складов и амбарные

книги, но не давал доступа к секретным транспортным ре-
естрам.

Она спустилась к наёмной карете.

— В особняк Вальдов.

В кабинете Рейнара на первом этаже пахло крепким чаем, табаком и остывающим воском. На широком дубовом столе между стопками штабных донесений и картами южных провинций горели две бронзовые лампы.

Рейнар сидел без мундира, в расстёгнутом жилете и с за-
сученными по локоть рукавами рубахи. Услышав шаги, под-
нял голову.

— Не дали?

— Без отдельного предписания Главного штаба — нет.

Элиза сняла перчатки, села напротив и открыла тетрадь.

— Я рассчитывала хотя бы увидеть регистрационную кни-
гу на выходе из столицы, но Штольц и её относит к закры-
тым сведениям. Провиантский приказ утверждает, что обоз
номер четырнадцать был передан военным почти два меся-
ца назад. Штаб считает его отправленным. Южный корпус
груза не получил. Теперь нужно найти место, где документы
перестают соответствовать действительности.

Рейнар придвинул к себе её выписки.

— Служба досмотра Главного штаба вправе затребовать
путевые ведомости во внеочередном порядке. Моего чина
хватит.

Он уже потянулся за чистым листом, но остановился.

— Ты хочешь, чтобы запрос подал я?

Вопрос был простым, однако Элиза его оценила. Ещё недавно Рейнар сначала действовал, а потом сообщал ей о принятом решении.

— Да. Здесь твои полномочия действительно нужны. Запрашивай как офицер штаба, проверяющий срыв снабжения действующей армии.

— Что именно?

Элиза развернула тетрадь между ними.

— Регистрацию выхода обоза из столицы, маршрутный лист, число подвод, отметки промежуточных застав, расход фуража и все акты приёмки до конечной базы. Не только итоговую выписку. Первичные записи.

— Чтобы нельзя было принести ещё один красивый чистовик.

— Именно.

Рейнар обмакнул перо в чернила. Они работали до поздней ночи. Элиза называла сведения, необходимые для сверки, а Рейнар переводил её требования на язык армейского делопроизводства. Некоторые формулировки он сразу вычёркивал.

— «Полный реестр движения груза» не дадут, — объяснил он. — Слишком широко. Штольц прикроется секретностью.

— Тогда что дадут?

— Документы по конкретному обозу в рамках расследо-

вания срыва поставки.

— Этого достаточно.

В другом месте уже Элиза остановила его.

— Не проси заключение транспортной коллегии. Мне не нужно их мнение. Нужны числа, даты и подписи.

Рейнар перечеркнул строку.

— Согласен.

К полуночи предписание было готово. Рейнар скрепил его личной печатью и передал дежурному вестовому для доставки с рассветом.

Когда Элиза поднялась в отведённое ей крыло, она поняла, что день ещё не закончился. У двери её покоев на низком табурете сидела Клара. Горничная держала на коленях узелок с бельём и торопливо вытирала глаза краем передника.

Элиза вошла в комнату и остановилась. Всё выглядело безупречно. И совершенно неправильно.

С рабочего бюро исчезли тетради, чертежи, копии амбарных книг и опечатанные образцы, которые она раскладывала по порядку проверки. Вместо них на полированной крышке стояли фарфоровая ваза с хризантемами и хрустальный флакон с притираниями.

— Клара, где мои бумаги?

Девушка вскочила.

— Госпожа Бран приходила с господином Освальдом. Сказали, не положено в барском доме канцелярию разводить. Бумаги велели убрать в нижний комод, а мешочки и

склянки отнести в дальний ледник, чтобы запаха не было.

Элиза медленно сняла перчатки.

— Печати трогали?

— Не знаю, госпожа. Я просила не трогать, честное слово. Госпожа Бран рассердилась.

Элиза посмотрела на узелок.

— А это?

Клара опустила глаза.

— Меня велели переселить на чердак. Госпожа Бран сказала, что я слишком много о себе возомнила возле чужой госпожи. Сюда завтра поставят Марту, племянницу кухарки.

Элиза подошла к колокольчику и вызвала старшую прислугу.

Освальд и фрау Бран появились через несколько минут. Дворецкий, как всегда, был безукоризненно одет; экономка вошла с массивной связкой ключей на поясе и выражением человека, которого отвлекли от куда более важных дел.

— Вы звали, баронесса? — спросила она. — Если речь об уборке, то комнаты знатных гостей не принято превращать в склад старых бумаг и мешков с зерном.

— Речь именно о бумагах и образцах. Где они?

— В сохранности. Комод заперт, зерно отнесли в холодное помещение. Ничего не выброшено.

— Тогда верните всё сюда.

Бран поджала губы.

— В этом доме существует порядок.

— Согласно. Поэтому опечатанные материалы королевской ревизии должны лежать там, где я их оставила, а не переноситься по решению прислуги.

Освальд впервые перевёл глаза на пустое бюро.

— Государственные материалы?

— Часть образцов опечатана при свидетелях. Бумаги относятся к расследованию снабжения армии. Если печать повреждена или пропадёт хотя бы один лист, мне придётся занести это в официальный рапорт с указанием всех, кто имел доступ к комнате.

Экономка сжала связку ключей.

— Никто ничего не вскрывал.

— Прекрасно. Значит, вернуть всё будет несложно.

Освальд коротко поклонился.

— Я распоряжусь немедленно.

— И ещё одно. Клара пока остаётся при этих комнатах.

Фрау Бран вскинула подбородок.

— Распределение прислуги находится в моём ведении.

— Тогда считайте это просьбой гостыи хозяина дома. Клара уже знает, какие вещи нельзя перекладывать и кого впускать в моё отсутствие. Менять её сейчас неудобно для работы.

Экономка явно хотела возразить, но Освальд мягко тронул её за локоть.

— Это можно устроить.

Через двадцать минут бумаги и образцы начали возвра-

щаться на бюро. Элиза проверяла их сама: сначала папки, затем тетради, потом каждый мешочек и склянку. Две печати оказались целы, третья была слегка потёрта о край ящика, но сургуч не треснул. Только после этого она разрешила убрать вазу.

Клара отнесла узел обратно в свою комнату.

На следующий день за семейным обедом леди Элеонора подняла эту тему сама.

Серебряные приборы звенели о фарфор, лакеи разносили запечённую баранью ногу с розмарином. Рейнар сидел напротив тётки, просматривая перед едой записку, доставленную из штаба.

Когда сменили блюда, вдовствующая баронесса промокнула губы салфеткой.

— Мне сообщили, что вчера ночью вы устроили разбирательство с моей прислугой.

— Я попросила вернуть документы и образцы ревизии в мои комнаты.

— Из-за нескольких мешков зерна вы подняли на ноги весь дом, а затем вмешались в распределение горничных.

— Не из-за зерна. Из-за опечатанных материалов проверки.

Элеонора отложила салфетку.

— Тогда такие материалы следует хранить в запираемом кабинете, а не среди платьев и умывальных принадлежностей. Прислуга не обязана угадывать, какой мешочек явля-

ется государственной тайной, а какой вы собирались выбрать после осмотра.

Элиза уже приготовилась ответить, но задержалась. В этом замечании был смысл.

— Хорошо. Мне понадобится отдельный шкаф с замком. И распоряжение слугам ничего из него не трогать.

Элеонора явно не ожидала согласия.

— Освальд выдаст ключ.

— Благодарю.

— Что касается Клары...

— Она останется при покоях Элизы, — сказал Рейнар, не повышая голоса.

Тётка повернулась к нему.

— Я ещё не закончила.

— Я знаю. Но Элиза здесь по королевскому назначению, и ей нужна прислуга, знакомая с её рабочим распорядком. Менять человека посреди проверки нет смысла.

— В моём доме распоряжения прислуге прежде отдавали через экономку.

— Тогда пусть Бран считает это моим распоряжением.

Элеонора несколько секунд смотрела на племянника, после чего снова взялась за приборы.

— В таком случае проследи, чтобы твоя королевская ревизия больше не хранилась рядом с моими фамильными вазами.

— С радостью, — ответила Элиза.

Рейнар опустил глаза в тарелку, скрывая улыбку. К вечеру из Военно-транспортного ведомства доставили затребованный архив.

На этот раз Штольц не прислал ни объяснений, ни заключений — только заверенные копии маршрутных листов, регистрационную книгу и сопроводительные записи. Рейнар разложил их по столу рядом с депешей из Ставки.

— Вот начало цепочки. По книге столичной заставы обоз номер четырнадцать прошёл ворота в указанный день.

Элиза проверила номер.

— Значит, из столицы он всё-таки вышел.

Это снимало одно из возможных объяснений и одновременно усложняло всё остальное.

Рейнар провёл пальцем дальше по маршрутному листу.

— Здесь отметка следующей заставы. Здесь ещё одна. Потом тыловая база в крепости Белый Брод. Согласно транспортным бумагам, груз полностью сдан представителю корпуса маршала Брона: десять тысяч пудов ржи и три тысячи пудов солонины.

Элиза взяла депешу командующего южным корпусом.

— А здесь говорится, что обоз до войск не дошёл.

— Не только до войск. — Рейнар достал второй лист. — После нашего запроса штаб поднял донесение гарнизона Белого Брода. Они утверждают, что обоз номер четырнадцать к крепости вообще не подходил. Ни в день, указанный в маршрутном листе, ни позже.

Элиза положила документы рядом.

Теперь перед ними лежали две несовместимые версии одного события. По транспортному реестру десятки подвод дошли до Белого Брода и сдали груз. По донесению самой крепости этих подвод там никогда не видели.

Она начала просматривать подписи последовательно, от столичных ворот к югу.

— Первые заставы могли видеть обоз. Белый Брод — нет. Значит, где-то между ними либо груз свернул с маршрута, либо одна из последующих отметок поддельная.

— Или несколько.

— Возможно. Но пока мы этого не знаем.

Рейнар достал карту и развернул её поверх края стола.

— Белый Брод подчиняется наместнику центрального округа.

— Кто наместник?

— Герцог Олден.

Имя показалось Элизе знакомым.

Рейнар посмотрел на неё.

— Родной брат Мортимера.

Элиза снова перевела глаза на маршрутные листы. Родственная связь была неприятной, но сама по себе ничего не доказывала. Гораздо важнее было другое: кто-то сумел провести документы так, чтобы Провиантский приказ, транспортное ведомство и армейский реестр подтверждали движение груза, которого в конечной точке не оказалось.

— Нужно проверить каждую промежуточную отметку отдельно, — сказала она. — Не по этим копиям. По книгам самих застав.

Рейнар кивнул и взял карандаш.

Они пронумеровали пункты маршрута по порядку. Напротив каждого Элиза оставила место для даты, подписи дежурного и фактической записи в местной книге. Если хотя бы одна из них расходилась с транспортным листом, становилось понятно, где искать дальше.

За окнами ветер гнал по тёмному стеклу снежную крупу. На столе между ними лежала дорога на юг, сведённая пока к нескольким названиям и чужим подписям.

Элиза обвела карандашом первую заставу после Вальтерграда.

Глава 7

Счёт за бальное платье мадам Розье принесла сама и положила на край туалетного столика. Узкая полоска плотной бумаги, внизу одна строка: сто двадцать пять золотых крон.

Элиза перечитала её, хотя понимала, что цифра от второго раза не изменится. Сто двадцать пять крон — месячное жалованье двадцати пяти каменщиков, которые клали стены нового корпуса в Белом Яре. Или два десятка подвод хорошей яровой ржи. Или литые шестерни для новой водяной мельницы.

Платье, впрочем, вышло безупречным. Мадам Розье сдержала слово и не сделала из клиентки выставочную куклу: плотный шёлк глубокого полуночно-синего цвета держал форму без тяжёлого каркаса, лиф сидел точно по фигуре, рукава не мешали двигаться, а серебряная нить по вороту и подолу была заметна только при свечах. Даже сборка у плеча после первой примерки оправдала себя: без неё платье выглядело бы слишком канцелярским.

— Что-нибудь не так? — спросила мадам Розье, заметив её заминку над счётом.

— Всё так. Я просто вспоминаю, сколько стоит, например, каменная кладка...

— Не советую сравнивать бальное платье со стеной, ваша милость. Стена почти наверняка победит.

Модистка сказала это совершенно серьёзно, и только в уголках её губ пряталась улыбка. Элиза поймала себя на том, что улыбается в ответ.

— Уже победила.

Из кресла у камина зашуршал веер. Леди Элеонора следила за примеркой с самого начала и до сих пор удивительным образом молчала.

— Вы всерьёз собираетесь торговаться из-за ста двадцати пяти крон? — наконец спросила она. — Для хорошей столичной мастерской это самая обычная цена.

— Я не торгуюсь, я считаю, — сказала Элиза, не поднимая глаз от кошель.

Веер щёлкнул, складываясь.

— В приличном обществе это почти одно и то же.

Элиза отсчитала сто двадцать пять золотых и высыпала их на серебряный поднос. Мадам Розье пересчитала монеты и убрала счёт в записную книжку.

— Благодарю, ваша милость. Если после вечера окажется, что где-то тянет шов или жмёт ворот, пришлите горничную. Переделаю бесплатно.

— За это я и плачу деньги.

— Наконец-то мы понимаем друг друга.

Модистка поклонилась Элеоноре, потом Элизе и вышла. Леди Элеонора проводила её взглядом.

— По крайней мере, сегодня вы не объясняли ей, как шить платья.

— Я учусь, — сказала Элиза, и ответ прозвучал честнее, чем она собиралась.

— Не слишком быстро, надеюсь. Иначе столица вас испортит.

Для дома Вальдов такой обмен любезностями считался почти тёплым.

К вечеру парадный салон в доме тайного советника графа Северина сиял сотнями свечей. Под хрустальными люстрами гудели голоса, пахло духами, табачным дымом и пряностями с накрытых в галерее столов. Здесь собралась та часть Вальтерграда, которую Элиза до сих пор знала по подписям под указами и фамилиям в казённых контрактах: министерские чиновники, штабные генералы, сенаторы, представители старых торговых домов.

Рейнар вошёл в парадном мундире Главного штаба: серебряные аксельбанты, чеканный эфес палаша, безупречная выправка. Рядом с ним Элиза особенно ясно чувствовала, как прочно он принадлежит этому миру.

Распорядитель у мраморной арки взял карточку и объявил:

— Лорд Рейнар Вальд, старший офицер Главного штаба Его Величества! И его спутница.

Пауза была короткой, почти незаметной, но имя Элизы в неё не поместилось.

Рейнар остановился.

— Распорядитель, видимо, плохо читает, — сказал он до-

статочно громко, чтобы слышали стоявшие рядом. — Баронесса Элиза Вейр, королевский советник-эксперт Провиантского приказа.

Человек у арки побледнел и поспешно повторил титул целиком. Элиза коснулась рукава Рейнара и почувствовала под сукном натянутые, как тетива, мышцы.

— Достаточно, Рейнар. Это не важно.

— Я ещё не начинал...

— Поэтому и достаточно.

Они прошли дальше.

Здесь играли тоньше, чем прислуга Вальдов. О северной мельничихе и плохих сапогах в лицо никто не говорил. Просто разговоры на миг стихали, когда Элиза проходила мимо, дамы разглядывали её платье дольше, чем позволяли приличия, а мужчины представлялись Рейнару так, будто женщина рядом с ним была предметом обстановки.

Некоторые, впрочем, не утруждали себя осторожностью.

— Та самая северная вдова...

— Говорят, Вальд выхлопотал ей место при складах...

— Поместье где-то за Нордфолком. Одни болота и лес...

— Для помолвки наследника маркизата выбор, конечно, своеобразный.

Рейнар слышал не хуже неё. Он смотрел поверх голов на люстры, и желваки у него ходили под кожей.

— Не надо, пожалуйста, — тихо сказала Элиза.

— Я молчу.

— Вот и продолжай.

Отойти ему пришлось почти сразу: у дальней колоннады его перехватил дивизионный генерал, и по лицам обоих было ясно, что речь о южной границе. Элиза осталась у камина с бокалом воды.

— Баронесса Вейр?

Молодой человек в пунцовом бархатном колете остановился рядом и поклонился — безукоризненно, как всё, что он делал. Шевалье де Клермон, дальний родственник одного из старейшин торговой гильдии, принадлежал к тем мужчинам, которые с детства знают цену хорошему портному, удачной фамилии и вовремя сказанной любезности.

— Если память мне не изменяет, вы сейчас занимаетесь государственными провиантскими складами?

— В числе прочего.

— Занятие необычное для дамы вашего положения.

Элиза отпила воды.

— Мне уже говорили.

— Не сомневаюсь. Но я спрашиваю без насмешки. Неужели вам правда нужно самой ездить по амбарам, перевешивать мешки, спорить с приказчиками? Для этого есть смотрители, писари, управляющие. Умение поручить дело другим — тоже достоинство.

Вопрос оказался разумнее тона, которым его задали. Элиза поставила бокал на каминную полку.

— Достоинство. И обычно я так и работаю.

— Вот как?

— В Белом Яре у меня есть управляющий, мастер контроля, казначей, люди, которые знают свои участки не хуже, а может и лучше меня. Если приходится делать всё самой, значит, система устроена плохо.

— Тогда я тем более не понимаю вашего столичного рвения.

— Здесь я пока не знаю, кому можно верить. Когда ведомость говорит одно, склад другое, а дорога третье, приходится спускаться к первичным записям и искать, где начинается ложь. Потом можно снова делегировать.

Шевалье помолчал, явно прикидывая, не издевается ли она.

— Значит, всю жизнь считать мешки лично вы не собираетесь?

— Очень на это надеюсь.

Кто-то из офицеров рядом негромко рассмеялся. Де Клермон тоже улыбнулся, не выглядя ни побеждённым, ни обиженным.

— Позвольте тогда ещё один непрошенный совет. Столичный свет плохо отличает временную необходимость от привычки. Если слишком долго бывать среди приказчиков, вас и сочтут приказчиком.

— Возможно.

— И это вас не беспокоит?

Этот вопрос оказался неприятнее первых.

— Беспокоит. Но голодный полк беспокоит больше.

Пожилый полковник, стоявший неподалёку, обернулся.

— Тут я с баронессой согласен, Клермон. Когда на марше паёк режут вдвое, солдату всё равно, как изящно господин поставщик держал бокал на рауте.

Шевалье развёл руками.

— Вот видите, я в меньшинстве среди людей практических.

— Иногда это полезно, — сказала Элиза.

— Не спорю. Но хотя бы сегодня не взвешивайте хлеб прямо в салоне: граф Северин дорожит коврами.

Он поклонился и отошёл.

Разговор вышел совсем не таким, как она ждала. Де Клермон был избалованным светским франтом, складскую пыль считал ниже своего достоинства, но дураком не был. И в одном оказался прав: если она собирается менять систему, нельзя становиться единственным человеком, на котором эта система держится.

— Любопытно.

Голос раздался сбоку. К Элизе подошёл господин средних лет в строгом чёрном камзоле без орденов и лент. Крой стоял, пожалуй, дороже половины ярких нарядов в зале, но понять это можно было лишь по посадке и качеству ткани. Худое лицо с глубокими складками у рта ничего не выражало, зато серые глаза смотрели цепко.

— Мы не представлены, сударь.

— Корнелиус ван дер Хольт.

Он коротко поклонился. Имя Элиза вспомнила сразу: торговый дом «Ван дер Хольт и сыновья», крупнейший зерновой синдикат столицы, державший казённые подряды ещё с прошлого царствования.

— Глава зернового союза.

— Я предпочитаю «представитель содружества поставщиков короны». Звучит менее воинственно.

— От названия счета не меняются.

На этот раз улыбнулся и он.

— Мортимер был прав. Вы действительно любите цифры.

— Граф Мортимер часто обо мне рассказывает?

— После вашего появления на складах — гораздо чаще, чем прежде.

Ван дер Хольт взял с проходящего подноса бокал, но пить не стал.

— Вы смотрите на снабжение как производственник. Это достойно уважения. Но королевские поставки — не один цех и не один амбар. Это кредиты, залоги, перевозчики, сезонные цены, портовые привилегии, авансы поместьям, долги старых домов. Потяните за одну нитку — иногда развяжется узел, а иногда рухнет весь ткацкий станок.

— Семь тысяч пудов не становятся водой оттого, что у купца есть кредиторы.

— Разумеется. Но честная цифра не всегда означает простое решение.

Вкрадчивости, как у Мортимера, в нём не было: он говорил как человек, привыкший объяснять партнёру риски перед подписанием договора.

— Допустим, завтра вы добьётесь пересмотра старых контрактов, — продолжил он. — Несколько крупных поставщиков потеряют привычную прибыль. Кто-то уйдёт с казённых торгов, кто-то потребует предоплату, перевозчики поднимут цену за риск. Через месяц Военный совет спросит уже не о потерях, а о том, почему подорожал хлеб. И отвечать будет тот, кто затеял перестройку.

— Значит, ничего не менять?

— Я этого не говорил. Я предлагаю знать цену.

Он произнёс это ровно, без нажима. Элиза вспомнила счёт мадам Розье и почти улыбнулась.

— Сегодня мне весь день объясняют цену вещей.

— Полезный день.

Он сделал глоток.

— Особенно если помнить, что Белый Яр тоже не остров. Ему нужны железо, соль, камень, хорошие лошади, свободные дороги. Один торговый дом задержит поставку на неделю, другой потребует расчёта наличными, третий поднимет страховой залог — и никто не нарушит ни единого закона.

Теперь это уже не походило на лекцию об экономике.

— Это угроза?

— Предупреждение. Угроза звучала бы менее вежливо.

— Тогда и я предупрежу вежливо. Часть документов по

обозу номер четырнадцать уже прошла через Главный штаб. Если кто-то решит, что перебои с поставками в Белый Яр заставят меня перестать задавать вопросы, он лишь добавит к ним новые.

Ван дер Хольт чуть наклонил голову.

— Вы быстро учитесь столичному языку.

— Учусь, но он мне не нравится, — сказала Элиза.

— Чтобы на нём говорить, любить его необязательно, — ответил он без тени насмешки.

Из другого конца зала его окликнули. Купец поставил бокал на поднос.

— Доброго вечера, баронесса. Надеюсь, наша следующая встреча пройдёт за столом переговоров, а не в коридоре суда.

— Это зависит не только от меня.

— Поэтому я и надеюсь, — бросил он уже через плечо и растворился в толпе.

Обратно в особняк Вальдов ехали почти молча. За окном экипажа редкие фонари выхватывали из темноты мокрую мостовую, колёса шуршали по ней. Устали у Элизы не ноги, а глаза: от чужих лиц, намёков, выверенных улыбок и необходимости каждую минуту помнить, кто перед ней и чего он хочет.

Поднявшись в покои, она скинула туфли и с облегчением расстегнула высокий ворот. На каминной полке горели две свечи. Рейнар вошёл следом, отстегнул палаш и положил его на столик у двери.

— Утомительный вечер, — сказал он, бросая перчатки рядом с оружием.

Элиза устроилась в кресле, подобрав под себя ноги.

— Я бы предпочла три часа в сыром амбаре.

— Там крысы хотя бы ведут себя откровеннее.

Она рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему. Рейнар сел в кресло напротив.

— Ван дер Хольт подходил к тебе? — спросил он небрежно, слишком небрежно.

— Подходил.

— Чего хотел?

— Объяснил, что столичная торговля очень сложна и при неосторожном обращении может случайно перекрыть Белому Яру железо, соль и кредит.

Лицо Рейнара изменилось.

— Он тебе угрожал?

— Вежливо предупредил.

— Это одно и то же.

— Почти. Он, кстати, сам назвал это предупреждением.

Рейнар привстал, но Элиза взглянула на него.

— Не надо искать его сегодня.

Он остановился.

— У тебя очень выразительная походка, когда ты собираешься кого-нибудь арестовать или вызвать на дуэль.

— Я не вызываю купцов на дуэль, — сказал он с достоинством, которое не вязалось с тем, что он всё ещё стоял.

— Какая выдержка.

Рейнар нехотя сел обратно.

— Я усилю охрану.

Элиза хотела отказаться, уже открыла рот и закрыла. После разговора с ван дер Хольтом демонстративная самостоятельность перестала быть достоинством и начала походить на глупость.

— Хорошо. Только не шесть гвардейцев у каждой двери.

— Двое.

— Один.

— Двое, Элиза, — повторил он тоном, после которого торг заканчивается.

— Ох...Договорились.

Он явно приготовился к долгому спору и теперь смотрел на неё с подозрением.

— Ты сегодня удивительно сговорчива.

— Не привыкай. Я просто устала.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Зал Северина всё ещё стоял перед ней: дамы за веерами, распорядитель, проглотивший её имя, чужие усмешки. На складах было проще. Там испорченное зерно пахло испорченным зерном, недостача выражалась цифрой, а сломанный процесс можно было разобрать по этапам. Здесь причиной ошибки мог оказаться герб, родство или то, что женщина не так держит веер.

— Я знала, что меня не примут сразу, — сказала она. —

Но одно дело понимать это заранее, другое — войти в комнату и увидеть, что для половины людей там я не человек с работой и именем, а твоя странная северная прихоть.

Рейнар не ответил привычным комплиментом.

— Я этого не замечал.

Элиза открыла глаза.

— Чего?

— Сколько всего решается до того, как человек успевает заговорить. Я вхожу в зал — меня уже знают. Открывают двери, называют чин, помнят семью. Мне ни разу не приходилось сначала доказывать, что я вправе просто стоять в комнате.

Говорил он ровно, как человек, обнаруживший в собственном доме незнакомую комнату.

— Теперь придётся замечать, — сказала Элиза.

— Да. Я попробую научиться.

Он потёр переносицу.

— И мне не нравится то, что я вижу.

— Мне тоже. Но я не хочу, чтобы ты дрался с каждым, кто шепчется за веером. Если ты начнёшь оберегать меня от каждого взгляда, они получат именно ту картину, которую сами нарисовали: слабую женщину, за которую всё делает Вальд.

— Понимаю.

— Правда?

Элиза всмотрелась в него: усталое лицо, расстёгнутый во-

рот мундира, ни тени привычной иронии.

— Учусь, — сказал Рейнар.

Это же слово она сегодня сказала Элеоноре.

Она протянула руку через узкое расстояние между креслами. Рейнар взял её ладонь без торжественности, как самое естественное движение за весь вечер.

— Де Клермон, кстати, оказался не совсем идиотом, — сказала она.

— Какое разочарование, — Рейнар вытянул ноги к огню.

— Он заметил: если я хочу построить работающую систему, мне придётся перестать лично проверять каждый мешок.

— И ты согласилась?

— Отчасти, — признала она.

— Тогда вечер действительно сотворил чудо.

Элиза сжала его пальцы чуть сильнее, чем было нужно.

— Не злоупотребляй, этим словом. Обычно, чудеса это очень хорошо подготовленная случайность.

За окнами ветер гнал дождь пополам со снежной крупой. В соседнем кабинете на столе лежали маршрутные листы, списки застав и фамилии людей, которым ещё предстояло отвечать на вопросы, но впервые за день Элиза позволила себе о них не думать. Рейнар не отпустил её руку, и несколько минут ей не нужно было никому ничего доказывать.

Глава 8

Ведомости расходов арсенала за прошлый год больше походили на хронику золотого безумия, чем на казённый отчёт о закупках. Элиза перевернула плотный лист гербовой бумаги, задержала перо над итоговой строкой и ещё раз проверила сумму: сорок две тысячи золотых крон.

Столько военное ведомство Вальтерии выплатило чародеям за последние двенадцать месяцев — за поставку и повторное зачарование хладных кристаллов для подземных хранилищ столицы. Каждая друза горного хрусталя, способная держать вокруг себя мороз, обходилась казне в сто пятьдесят крон. Каждые три луны её требовалось отправлять в Башню на повторную зарядку и платить ещё треть первоначальной цены. Счета были аккуратно сведены и заверены синей печатью Верховной гильдии магов.

В ведомости потерь значилось: четыре тысячи пудов солонины и две тысячи туш говядины испорчены вследствие застойного выпревания и признаны негодными к выдаче в полки. Элиза положила обе ведомости рядом. Сорок две тысячи крон были выплачены именно за то, чтобы мясо не пришлось списывать.

За узкими стёклами малой канцелярии Провиантского приказа моросил ноябрьский дождь. Элиза захлопнула grossbux, убрала бумаги в кожаный саквояж и вышла в ко-

ридор.

— Курт, бери фонарь, мерную рейку и позови двух солдат из караулки. Мы спускаемся в нижние ледники.

В подземном хранилище номер три холод перехватил дыхание ещё у лестницы. Под высокими гранитными сводами висели кованые корзины; в них мягко пульсировали лазурным светом хладные кристаллы. Над друзьями клубился ледяной пар, своды белели от инея. Элиза невольно втянула голову в плечи, но через десяток шагов в глубь галереи холод заметно ослаб.

Курт поднял фонарь. Огромные говяжьи туши лежали на низких деревянных помостах, наваленные одна на другую в три яруса. Нижние вдавились в мокрые доски. В дальних углах пол блестел от бурой сукровицы, стекавшей к забитым стокам.

Элиза остановилась возле помоста и оглянулась на кристаллы. Возле корзин стоял мороз, подальше от них становилось теплее, а между плотно уложенными тушами воздуху и вовсе некуда было пройти. Холод скапливался у пола, под сводами держалось тепло. Воздуховодов не было.

— Посвети сюда, Курт.

Она просунула рейку между двумя полутушами среднего яруса и раздвинула их, насколько позволяла тяжесть мяса.

— Снаружи промёрзло почти до звона. А здесь, в середине, уже теплее. Туши лежат вплотную, влага не уходит.

Смотритель ледника, отставной капитан инвалидной ко-

манды, подошёл ближе и с сомнением провёл ладонью над открывшимся промежутком.

— Так ведь маги велели плотнее укладывать. Чем меньше пустого места, говорят, тем легче друзе проморозить камеру.

— Камеру, может быть. Только охлаждаем мы мясо.

Смотритель убрал руку и выпрямился.

— Что прикажете?

— Очистить малую северную камеру. Пол промыть горячей щелочной водой, повреждённые помосты убрать. Туши разделать на четверти и повесить на крючья, чтобы не соприкасались. Обтереть сухим полотном, обработать по правилам крепкого посола. И нужны два продуха: приточный внизу, вытяжной под потолком.

— Наружу? — Он нахмурился. — Так мороз уходить станет.

— Часть уйдёт. Зато сейчас ноябрь, с улицы тоже придёт холодный воздух. А влага перестанет стоять внутри.

— Вот именно, сейчас ноябрь, — повторил смотритель.

— Поэтому начнём с одной камеры. Остальной ледник пока оставим как есть. — Элиза указала рейкой на корзины. — Здесь шесть друз. В опытной камере оставим две. Через три дня сравним с соседней: температуру в разных местах, состояние мяса, расход чар.

Смотритель перевёл взгляд с кристаллов на завал туш.

— А если с двумя и это мясо пропадёт?

— Ждать, пока пропадёт, не будем. Станет хуже — пре-

кратим опыт и вернём прежний порядок. Для того и берём одну камеру, чтобы не рисковать всем запасом.

По обледенелой лестнице застучали кованые подошвы. В подземелье быстро спустился господин в тёмно-синей мантии с серебряной каймой — официальном одеянии мастеров Коллегии артефактов. Магистр Вальтер, куратор провиантских поставок от Гильдии чародеев, придерживал дорожную ткань над мокрыми ступенями.

— Что здесь происходит? — спросил он, ещё не сойдя с лестницы. — Мне сообщили, что в хранилище первого ранга собираются пробивать продухи и переставлять хладные друзы без разрешения Коллегии.

Остановившись перед Элизой, он отпустил мантию.

— Баронесса Вейр, полагаю? На каком основании вы вмешиваетесь в утверждённую схему магической консервации? Тонкие плетения не терпят самодеятельности.

Элиза достала ведомость и протянула ему.

— Четыре тысячи пудов списанной солонины и две тысячи испорченных туш за год.

Вальтер не взял бумагу.

— Порча мяса не свидетельствует о недостатке чар. Если охлаждение оказалось недостаточным, следует увеличить плотность плетения и число друз. Я неоднократно указывал приказу на необходимость заказать кристаллы высшей категории.

— Возле ваших кристаллов мясо заморожено. В глубине

завала — портится.

— Вы специалист по артефактам?

— Нет.

— Тогда почему считаете, что можете судить о достаточности охлаждения?

Элиза медленно опустила ведомость. Вопрос ей не понравился, но одного счёта на сорок две тысячи для ответа действительно было мало.

— Потому что холод сюда поступает, а между тушами воздух не движется. Стоки забиты, влага остаётся в камере. Я собираюсь изменить укладку мяса и устроить приток воздуха в одной опытной камере. В плетения вмешиваться не стану, вскрывать друзы — тоже.

Вальтер посмотрел на смотрятеля.

— Сколько кристаллов вы собираетесь оставить?

Тот успел открыть рот, но Элиза ответила сама:

— Две друзы вместо шести.

Магистр снова повернулся к ней.

— То есть вы собираетесь выпустить холод наружу и втрое уменьшить число кристаллов?

— Собираюсь проверить, хватит ли двух при другом хранении.

— Температура поднимется.

— Возможно, поэтому будем измерять её в нескольких точках. Соседняя камера останется без изменений.

Вальтер протянул руку.

— Дайте ведомость.

На этот раз Элиза передала бумагу молча. Он быстро просмотрел строки, задержался на итоговой сумме и вернул лист.

— Допустим, три дня мясо у вас пролежит. Сейчас вам помогает холодный воздух. Что будете делать весной?

— Проверять при других температурах и другой загрузке.

— Следовательно, вы признаёте, что ваша схема временная?

— Я признаю, что за три дня в ноябре не узнаю, что будет летом.

— Но сократить число друз вы решили уже сейчас.

— В опытной камере. Если при двух мясо сохранится не хуже, чем при шести, у казны появится основание спросить, зачем в ноябре она оплачивает остальные четыре.

Вальтер сжал губы.

— Квоты Гильдии утверждены короной.

— Я их пока не отменяю.

— Пока. А основание для пересмотра готовите?

— Если опыт удастся, оно будет.

Магистр поправил край мантии, едва не коснувшийся мокрых плит.

— Вы очень быстро освоились в столице, баронесса. Система, которую вы намерены пересматривать, существовала до вашего рождения. За Гильдией стоят высочайшие указы трёх монархов.

— В ведомости от этого ничего не изменится.

— Зато может измениться многое другое. Коллегия выдаёт разрешения на ваши сушильни, печи и производственные закваски. Не советую превращать техническое любопытство в войну с Башней.

Элиза убрала лист в саквояж и застегнула пряжку.

— Вы хотите сказать, что безопасность моих печей зависит от того, сколько кристаллов купит военное ведомство?

— Я сказал, что производственные технологии требуют разрешения специалистов.

— Тогда специалисты изложат свои замечания письменно.

Смотритель отступил на полшага, подальше от обоих. Элиза не отвела взгляда от магистра.

— Рапорт получит Военный совет. С расходами, замерами и состоянием мяса. Если двух друзей окажется мало, так и напишем.

Вальтер некоторое время смотрел на неё, затем поправил серебряную кайму мантии.

— Я пришлю наблюдателя.

— Присылайте. Пусть тоже подписывает журнал.

Магистр задержался, словно собирался что-то добавить, но лишь бросил взгляд на открытую камеру.

— Рабочие не должны прикасаться к самим кристаллам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.